

SURINAMESE MAROONS: HISTORICAL FEATURES OF THE FORMATION OF AN ETHNOSOCIAL GROUP IN A FRONTIER SOCIETY

Andrey A. Boltaevskiy (a)

(a) Russian University of Cooperation. Mytishchi, Russia. Email: boltaevskii[at]gmail.com

Abstract

The subject of this research is the historical features of the formation of the Surinamese Maroons. The arrival of Europeans in the Western Hemisphere contributed to radical socio-demographic changes, including as a result of the massive import of African slaves. Escapes from plantations became one of the common forms of resistance by slaves, during which Maroon communities arose in various regions of America (Brazil, Mexico, Suriname, Jamaica). Surinamese Maroons who managed to adapt to new conditions during the first half of the 18th century turned out to be a serious obstacle to the development of the plantation economy, forcing the slave owners to agree to compromise agreements. The author, based on a wide range of foreign sources and research, carries out a historical and ethnographic review of the origin and active phase of the formation of the ethnosocial group of Surinamese Maroons, seeks to show the features of the socio-cultural environment, as well as the contradictions between Maroons, Indians and Europeans. The territorial and geographical features of Suriname led to a much smaller scale of hostilities by the Maroons compared to the Jamaican Maroons, who were in a limited island space. The study analyzed the distinctive features of the Maroon communities. The confrontation between the Maroons and the colonialists ended at the beginning of the 19th century as a result of the gradual creolization of the African mass of slaves, but its consequences have not been overcome until the present day.

Keywords

Suriname; maroons; slavery; Netherlands; segregation; plantation; creoles

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СУРИНАМСКИЕ МАРОНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ ВО ФРОНТИРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Болтаевский Андрей Андреевич (а)

(а) АНО ВПО «Российский университет кооперации». Мытищи, Россия.
Email: boltaevskii[at]gmail.com

Аннотация

Предметом исследования являются исторические особенности формирования суринамских маронов. Прибытие в Западное полушарие европейцев способствовало радикальным социально-демографическим изменениям, в том числе в результате массового ввоза африканских рабов. Одной из распространенных форм сопротивления невольников стали побег с плантаций, в ходе которых в различных регионах Америки (Бразилии, Мексике, Суринаме, Ямайке) возникли маронские сообщества. Сумевшие адаптироваться к новым условиям суринамские мароны в течение первой половины XVIII в. оказались серьезной преградой на пути развития плантационного хозяйства, заставив рабовладельцев пойти на компромиссные соглашения. Автор на основе широкого круга зарубежных источников и исследований осуществляет историко-этнографический обзор зарождения и активной фазы формирования этносоциальной группы суринамских маронов, стремится показать особенности социально-культурной среды, а также противоречия между маронами, индейцами и европейцами. Территориально-географические особенности Суринама привели к гораздо меньшим по масштабам боевым действиям маронов по сравнению с ямайскими марунами, находившимися в условиях ограниченного островного пространства. В ходе исследования проанализированы отличительные особенности маронских сообществ. Противостояние маронов и колонизаторов заканчивается в начале XIX в. в результате постепенной креолизации африканской массы невольников, однако его последствия не преодолены вплоть до настоящего времени.

Ключевые слова

Суринам; мароны; борьба; рабство; Нидерланды; сегрегация; плантации; креолы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

*Если ты знаешь, как убежать,
 тебе также следует знать, как прятаться.
 (суринамская поговорка)*

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха глобализации привела к стиранию социокультурных особенностей и массовому распространению англоязычной культуры. Одновременно это породило заметный интерес к изучению различных этносоциальных групп, сохраняющих свою самобытность в условиях активного распространения западных ценностей. Среди таких практически неизвестных групп можно назвать суринамских маронов, или, как их называли в бывшей нидерландской колонии до 1960-х гг., буш-негров¹.

Бежавшие от невыносимых условий плантационной работы, они не только сумели адаптироваться к жизни в джунглях, но и сохранить африканскую культуру, традиции практически максимально приближенными к своим предкам. Несмотря на то, что креолы и мароны относятся к афросуринамской общине, между ними еще с колониальных времен существуют разногласия и непонимание. Если в XVIII–XIX вв. этому, прежде всего, способствовали голландские колониальные власти, проповедовавшие политику «разделяй и властвуй», то в наши дни противоречия во многом обусловлены сложившимся за сотни лет историческим недоверием друг другу и различными конфессиональными, культурными особенностями. Например, вплоть до недавнего времени мароны не отмечали отмену рабства: «Это не наша история, мы не были освобождены колониальными властями, мы сами добились свободы» (Jouve, 2003).

Такая ситуация сохранялась вплоть до середины 1980-х гг., а этнические противоречия между маронами и состоявшей из других этнических групп, прежде всего креолов и индийцев, национальной армией стали важной причиной Внутренней войны (голл. Binnenlandse Oorlog), гражданского конфликта второй половины 1980-х гг. Как писали очевидцы, данное противостояние во многом напоминало тактику маронских войн XVIII в.: при угрозе со стороны противника боевые группы маронов пытались слиться с местными жителями, «в случае окружения отдельных подразделений банды с легкостью растворялись в среде лесных негров» (ГАРФ, л. 13).

Тем не менее мароны сохраняют память о том времени, когда голландцы были вынуждены признать свободу. Один из *капитанов*

¹ Исследователи отмечают, что сегодня потомки беглых рабов в Суринаме все еще предпочитают называть себя буш-неграми, а не маронами (Foek, 2004).

(так у маронов именуется вожди) деревни Сантигрон указывает: «Иногда мы празднуем 1 июля¹, иногда нет. Но 10 октября 1760 г.² – это день, который мы отмечаем ежегодно. Для нас это настоящий конец рабства... 10 октября мы празднуем то, что стали свободными людьми, смогли начать жить своей жизнью» (Broere, 2018).

Однако в последние годы самоизоляция маронов прекращается, они все активнее в поисках работы мигрируют в столичный Парамарибо, одновременно в зонах их традиционного проживания формируется бразильская диаспора, занятая золотоискательством. На Рождество 2009 г. в Альбине произошли столкновения между маронами и бразильцами: как отмечали очевидцы, мароны «считают себя хозяевами этого региона, и когда они увидели, что их авторитет ставится под сомнение, то решили дать урок, показать, кто тут главный» (Conflito no Suriname, 2009).

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

В отечественной литературе фактически отсутствуют крупные специализированные работы по суринамским маронам. Некоторые факты, изложенные на основе преимущественно англоязычных работ, представлены в трудах С.А. Созиной, публиковавшихся в конце 1960-х – начале 1980-х гг. (Созина, 1969) (Созина, 1981), а также в отдельных энциклопедических изданиях.

Имеется ценное исследование А.Д. Дридзо, посвященное ямайским марунам (Дридзо, 1971)³. Выдающийся советский историк и этнограф рассматривает марунов вест-индского острова, но справедливо указывает, что «существование таких групп неправильно было бы считать преимущественно ямайским явлением. Маруны известны и в истории США. Имеются данные о *марронах* (французское их наименование) на острове Гаити. В этой связи можно вспомнить и о “лесных неграх” Суринама. Это не удивительно – борьба против рабства принимала в сходных условиях сходные формы, велась сходными методами» (стр. 7). Таким образом, некоторые общие положения, относящиеся к общей истории маронов, зарождению и развитию данной этнической группы могут быть равным образом отнесены и к суринамским маронам.

Нельзя согласиться с мнением А.Д. Дридзо о том, что борьба маронов нигде «не достигала такого размаха, не сыграла такой роли как

¹ Рабство в Суринаме было отменено 1 июля 1863 г.

² Дата признания маронского сообщества голландскими властями.

³ В англоязычной традиции принято наименование «маруны», применимо к Голландскому Суринаму чаще употребляется термин «мароны».

на Ямайке» (стр. 7). На этом выводе, как представляется, отразились идеи О. Паттерсона, работу которого «Социология рабства» привлекает советский автор. Родившийся в Вест-Индии О. Паттерсон полагает, что на Ямайке, как нигде больше в Западном полушарии (возможно, за исключением Бразилии), происходили наиболее массовые и частые восстания рабов (Patterson, 1967) (см. также (Patterson, 1970)).

Данная позиция молодого – на момент издания работы ему было 27 лет – ямайского исследователя отразила, прежде всего, националистические искания вест-индских народов, только вступавших на сложный и тернистый путь независимости. В поисках национальной идеи креольская элита Вест-Индии почти повсеместно возвеличивала выступления рабов на территории своей страны. Например, находившиеся у власти в Гайане в 1964–1992 гг. креолы объявили главным национальным праздником не день обретения независимости, а начало выступления Коффи 23 февраля 1763 г. (Бербисское восстание рабов). Событие стало важной идеологической вехой в становлении режима Ф. Бернхема. В возвеличивании событий в Бербисе дальше всех пошел депутат от креольской партии Народный национальный конгресс Т. Астон Санчес, который усматривал в нем самую предтечу революции на Гаити конца XVIII в.: «С началом восстания¹ луч света проникает в царство тьмы: его свет отражаются в делах Гаитянской революции, в глазах Туссена Лувертюра и его соратников... Им указало путь Бербисское восстание» (Thompson, 2006, p. 199).

С.А. Созина полагает, что «именно в Суринаме борьба рабов против рабовладельческого ига приняла весьма высокую по тому времени форму организованных вооруженных выступлений» (Созина, 1969, стр. 106). Интересным в данной связи представляется мнение голландского историка-суринамиста Сильвии де Гроот, активно изучавшей маронское движение. В работе, посвященной маронскому племени *ндюка*, она солидарна с О. Паттерсоном и Т. Астоном Санчесом: «Рабы Суринама никогда не объединялись, чтобы осуществить столько масштабное восстание, как в других местах (*Бербис [выделено мной – А.Б.]*, Гаити и др.)» (Groot, 1969). И в то же время настоящим рефреном ее многочисленных публикаций могли бы стать следующие строки: «Стремление к свободе и независимости, реализации личности и собственной идентичности было характерно не только для Суринама XX века, или особенно второй половины этого столетия, но было известно издавна. Это стремление было наиболее ярким среди первых завезенных в страну рабов. Соппротивление, мятеж и партизанские войны как выражение этих усилий не прекращались на протяжении

¹ Имеется в виду Бербисское.

XVII, XVIII и XIX веков. Это было связано с самой природой колонии, плантационная экономика которой была основана на рабском труде. Беспорядки, вызванные войной, которая снова и снова вспыхивала между рабами и поселенцами, в большей или меньшей степени способствовали тому, что Суринам в течение XVIII века стал постепенно приходить в упадок. В конце концов эта страна стала настолько бедной, что ее должна была субсидировать метрополия, которая всегда пыталась сократить издержки. Суринам так и не восстановился до сегодняшнего дня, не достигнув экономической самостоятельности» (Groot, 1970, p. 291).

Таким образом, волнения среди рабов для Суринама во второй половине XVIII в. не привели к крушению этой колонии или запрету рабства, но стали важной причиной ее постепенного экономического ослабления. Несмотря на то, что на территории Суринама маронское движение не достигло такого размаха, как на Ямайке, территориально-географические особенности (континент, а не изолированный остров) наряду с существенными признаками голландского колониального этоса (сегрегация) способствовали сохранению данной этнической группы вплоть до наших дней.

Еще полвека назад шведский натуралист Б. Шенгрэн писал: «Тому, кто хочет повидать этих удивительных потомков рабов, пока они еще окончательно не уподобились представителям современной цивилизации или не превратились в профессиональных актеров, не следует надолго откладывать свою поездку в Суринам» (Шенгрэн, 1967, стр. 142). Данные слова вполне применимы к нашим дням: тем интереснее и ценнее изучение суринамских маронов сегодня.

В то же время указанные территориально-географические отличия Суринама от Ямайки приводили к многочисленным миграциям маронов. В частности, они проникали на территорию соседней Французской Гвианы¹: именно это обстоятельство, на наш взгляд, привело к гораздо меньшим по масштабам боевым действиям маронов Суринама по сравнению с ямайскими марунами, находившимися в условиях ограниченного островного пространства.

В 1970-е гг. в связи с провозглашением независимости Суринама несколько популярных очерков о лесных неграх поместил на своих страницах журнал «Вокруг света». Написанные советскими и зарубежными корреспондентами, побывавшими непосредственно в этой стране, они были насыщены интересной, полученной из первых рук информацией, однако содержали некоторые неточности. Так, например, нельзя согласиться с итальянским журналистом Д. Палоттелли,

¹ Сегодня там проживает около 6,5 тыс. буш-негров.

который полагает, что между индейцами и беглыми рабами не было каких-либо конфликтов (Палоттелли, 1975): многочисленные факты свидетельствуют о том, что коренные жители с недоверием относились к проникновению в привычную для них среду обитания чужаков и даже соглашались принимать участие в поисках беглых рабов.

Что касается зарубежной литературы, то длительное время исследованиями суринамских рабов в целом и движением маронов в частности занимались голландские ученые, чьи работы в силу языковой ограниченности получили слабую известность за пределами нидерландского лингвистического ареала. Среди них отметим публикации в издающемся с 1919 г. усилиями Королевского института по лингвистике, географии и этнологии в Лейдене¹ академическом журнале «Вест-Индский гид» (несколько раз менявший названия, с 1992 г. он издается под названием «Новый Вест-Индский гид»). В 1920-е гг. американский бактериолог М. Кан, несколько раз посетивший Суринам, оставил не потерявшее значение и сегодня исследование о племени *ндюка*, насыщенное рисунками и фотографиями (Kahn, 1931)².

Следует отметить деятельность американского антрополога М. Херсковица, который совместно со своей супругой дважды – летом 1928 и 1929 г. – провел полевые исследования среди креолов и маронов Суринама (Herskovits & Herskovits, 1934; 1936).

В 1930–1940-е гг. наметились две традиции в изучении суринамского рабства: первую представлял потомок рабов, один из основоположников борьбы за независимость страны Антон де Ком (Kom, 1934), вторую – представитель креольской элиты Р. Ван Лиер (Oostindie, 1988).

Как отмечает Г. Остинди, в отличие от декомовской резкой критики³, замечания Р. ван Лиера о трехвековом периоде голландского колониализма выражались «скорее в форме иронического или сухого комментария, чем в виде жестокого обвинительного заключения» (Oostindie, 1988, p. 8).

¹ Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde, сокращенно KITLV.

² Сделанные М. Каном около 800 рисунков и фотографий в настоящее время хранятся в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке.

³ Обратим внимание на следующее описание рынка работорговли: «Жестокий европеец хватает негра за подбородок и открывает рот, чтобы увидеть, хороши ли зубы. Раб должен показать мышцы рук, он должен наклониться, шагнуть и прыгнуть, чтобы показать, что с его ногами все в порядке. И повсюду вокруг выставленных товаров зрители собираются, прикасаются к телам и обсуждают их качество друг с другом, словно находясь на торгах по продаже животных» (Kom, 1934, p. 33). Труд де Кома оказался почти забыт вплоть до конца 1960-х гг., когда он оказался востребован в новых условиях антиколониальной борьбы, а в последующие десятилетия и в связи со сменой идеологического вектора в Европе.

Начиная со второй половины 1960-х гг. активно выходят как специализированные труды по истории маронских сообществ Суринама, подготовленные С. де Гроот (Groot, 1963; 1969; 1970), В. Хугбергенем (Hoogbergen, 1985), Б. Схолтенем (Scholtens, 1994) и другими авторами, так и общие работы, относящиеся к проблемам рабства и колониализма в Суринаме Г. Остинди (Oostindie, 1993), А. ван Стиприана (Stipriaan, 1995) и т.д. С 1978 г. Центр по изучению Карибского бассейна при университете Утрехта издает «Источники для изучения буш-негров»¹.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод: интерес к маронам отмечен в первую очередь среди голландских, суринамских исследователей, а также американских и французских², что обусловлено прежде всего историко-географическими и политическими факторами. Среди специалистов из других стран следует выделить немецкого этнографа П. Науманна (ГДР) (Neumann, 1967), который собрал ценный материал по материальной культуре суринамских маронов.

Источники, относящиеся к XVIII в., имеют ряд существенных недостатков. Во-первых, их авторы стремятся скорее создать позитивный образ далекой заокеанской колонии, нежели показать имеющиеся тяготы и сложности. Я.Д. Херлейн в «Описании плантаций Суринама» (Herlein, 1718) и Я. Писториус в «Кратком деловом описании Суринама» (Pistorius, 1763) больше говорят о природе Суринама и способах возделывания сахарного тростника, лишь немного упоминая о положении ввозимых рабов. Напротив, французский врач и натуралист Ф. Фермин в «Новом общем описании колонии Суринам»³ не только упоминает о маронах («беглые негры, которые сбежали, чтобы освободиться от работы или от заслуженного наказания»), но и указывает, «какие бесплодные усилия предприняло правительство и что уже было потеряно в различных войнах, которые пришлось вынести против них» (Fermin, 1770, p. 113–114).

В то же время для большинства работ этого периода характерно предубеждение к рабам, обреченным на жесткие условия существования. Намного более благосклонны к невольникам английская романистка Афра Бен, побывавшая в Суринаме с неясными целями в 1663 г. в период британского владычества над этой страной (Бен, 1796), и шотландский авантюрист Д.Г. Стедман, находившейся в Суринаме в 1772–1777 г. в составе бригады полковника Л. Фуржо (Stedman, 1962).

¹ Указанная работа В. Хугбергена является 11 томом в этой серии, переименованной в 1985 г. в «Источники для изучения афро-американских сообществ в Гвиане».

² Внимание последних было обусловлено проникновением с конца XVIII в. части маронов во Французскую Гвиану (Fleury, 2018) (Lasserre, 1966).

³ Французский текст 1769 г., голландский 1770 г.

«Повествование» Стедмана стало позднее рассматриваться аболиционистами в качестве примера крайней жестокости к рабам в Суринаме. Посетивший 40 лет спустя Суринам немецкий путешественник писал, что жестокость по отношению к рабам остается нормой, хотя описанные Стедманом примеры уже кажутся почти невероятными (Sack, 1821, s. 82). Показательна негативная реакция суринамского плантаторского сообщества на «Повествование» Стедмана, которая получила отражение на страницах прессы. Так, один из критиков указывал, что «книга наполнена нелепостями, противоречиями и неправдой», возмущаясь, по его мнению, преувеличенными или намеренно неверно трактуемыми жестокостями к невольникам (Surinaamsche Almanak, 1821, p. 51).

В отличие от А. Бен и Д.Г. Стедмана, «Описание Гвианы или Дикого берега Южной Америки» Я.Я. Харцинка отличается большой фактологической точностью, претендуя на роль важнейшего исторического источника. (Полтора столетия спустя А. де Ком указывал, что указанная работа может претендовать на полную достоверность, активно использовал ее при написании своего труда «Мы, рабы Суринама».) Ценность книги Я.Я. Харцинка обуславливается также вошедшими в нее документами британской и голландской колониальной администрации, хронологически относящимися к середине XVII – середине XVIII вв. Не менее значимыми представляются публикации в суринамских ежегодных альманахах, которые раскрывают взаимоотношения между маронами и белыми поселенцами (Brouwn, 1796).

Хотя аболиционистское движение в Нидерландах никогда не достигало такого размаха, как в соседней Англии, один из активных сторонников эмансипации рабов Ж. Вольберс написал обширную «Историю Суринама» и был награжден за нее орденом Нидерландского льва (Wolbers, 1970). Вольберс никогда не приезжал в Суринам, основываясь исключительно на архивных и других документах, тем не менее, его труд использовался де Комом как источник по истории креолов и маронов. Раскрывая гражданскую позицию Вольберса, укажем на строчки из памфлета «Рабство в Суринаме, или Те же зверства, о которых говорится в “Хижине дяди Тома”, также существуют в наших западно-индийских колониях!»: «Стоит ли удивляться, что те несчастные, которые были незаконно лишены свободы и на которых тяжелым бременем ложится иго рабства, не оставляют попыток вернуть себе свободу?» (Wolbers, 1853, p. 11).

Идеи оправдания рабства и колониализма, «цивилизаторской миссии» белого человека прослеживаются во многих источниках¹. Так, британский романист и ботаник, автор нескольких трудов по истории Гвианы Д. Родвэй пишет: «Конечно, были люди, которые могли быть жестокими по отношению к своим чернокожим, так как еще есть люди, настолько низкие, чтобы жестоко пороть ценных лошадей, но считать такое обычным делом – утверждение совершенно беспочвенное. Как хорошо охраняемое животное, плантатор гордился им, кормил и наставлял, похлопывал его по спине и гордо показал его своим друзьям. Все это кажется нам очень унижительным, но ведь негр не видел этого в таком свете» (Rodway, 1896, p. 158).

Таким образом, вплоть до 1920–1930-х гг. литература о маронах была представлена крайне скупо, их масштабное научное изучение начинается в предвоенный период и особенно – начиная с 1960-х гг..

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Еще А. Кеплер указывал, что «Гвиана могла быть названа самой богатой страной в мире, если бы имелась достаточная рабочая сила для эксплуатации ее плодородных земель» (Kappler, 1881, s. 3).

Хотя первые форпосты голландцы, французы, англичане основывали на побережье Суринама на протяжении всей первой половины XVII в., наиболее удачной оказалась экспедиция, посланная в 1651 г. барбадосским губернатором лордом Ф. Уиллоуби. В отличие от предыдущих поселенцев, представлявших собой искателей приключений и авантюристов, новые колонисты с учетом собственного опыта создали основанную на рабском труде плантационную экономику. Спустя десять лет британский Суринам составлял успешную конкуренцию Барбадосу: современник писал, что «наша колония ежедневно улучшается <...>. Наш сахар намного лучше и дороже, чем на Барбадосе» (Dentz, 1919, p. 3). Переоценка своих сил привела англичан к капитуляции от голландцев в 1666 г., впрочем, принятой на весьма достойных условиях. Примечательно, что голландский флотоводец А. Крийнсен пошел на хитрость, подняв английский флаг на своих судах, чем усыпил бдительность противника и добился скорой победы.

Бредский мир 1667 г. закрепил Суринам за Соединенными провинциями, передавшими в обмен англичанам Новый Амстердам, будущий Нью-Йорк. К этому времени на территории Суринама насчитывалось чуть больше 20 сахарных плантаций, которые находились по

¹ Заметим, что многие архивные источники (в настоящее время часть из которых оцифрована и размещена в свободном доступе на электронных порталах) с трудом поддаются расшифровке вследствие неразборчивого почерка.

берегам рек в отдалении от болотистого и низменного побережья . Назначенный «Обществом Суринама» в 1683 г. губернатор В.А. ван Соммельсдейк не только активно привлекал новых переселенцев, но и приложил усилия к созданию целой системы дамб и дренажных каналов в прибрежной зоне, где в дальнейшем начали создаваться новые плантации.

Уже к середине XVIII в. Суринам признавался богатейшим голландским владением, отличавшимся «от американских колоний других держав обилием и качеством поставляемой продукции; кофе, какао, сахар и хлопок, которые там выращивают, превосходят по качеству аналогичные товары из других мест» (Nystrom, 1942, p. 42). Экспорт из Суринама достиг своего пика в 1770-е гг., после чего началось постепенное снижение, вызванное как наполеоновскими войнами, так и развитием европейского сахарного производства, основанного на переработке свеклы.

Практически для всех плантаций была характерна единая система расселения. Главным зданием являлся окруженный садами дом владельца плантации, в непосредственной близости от которого располагались дома других белых поселенцев, в частности надзирателей. На границе дворовых построек (складские помещения, перерабатывающие установки) и сельскохозяйственных угодий размещались жилища рабов. Поскольку реки являлись важнейшей транспортной артерией, то все внутренние плантации были нанизаны на них, словно гроздь винограда на куст. Еще в 1855 г. в колониальном отчете значилось, что «водный путь является единственным, по которому осуществляется вся перевозка людей и товаров» (Dusseldopr, 1963, p. 28).

В среднем размеры плантаций составляли 4 км в длину и 600 м в ширину, располагаясь меньшей стороной по берегу реки или ручья. Примечательно, что уже к 1737 г. в верховьях рек наблюдались заброшенные плантации, что выступало странным противоречием с увеличивавшимся вывозом колониальной продукции. К этому привели не только истощение почв (как уже говорилось выше, первые плантации были заложены вдали от низменного побережья), но и регулярные нападения маронов.

Уже во времена Уиллоубиленда в Суринаме насчитывалось около 4 тыс. рабов. И хотя после перехода колонии под контроль Нидерландов начался настоящий исход англичан, продолжавшийся до 1680 г. , усилия В. Соммельсдейка привели к резкому увеличению числа плантаций и рабов (см. таблицу 1).

Год	Численность рабов	Численность белых	Численность маронов	Количество плантаций
1684	3 332	652	700	нет данных
1738	51 000	2 100	нет данных	400
1768	50 000	3 350	нет данных	500
1791	53 000	3 300	7 000	591
1830	53 000	8 500	нет данных	451
1863	33 600	16 500	8 000	162

Таблица 1. Население и плантации Суринама (Groot, 1969) (Keijser, 1985) (Linden, 2015)

ОСОБЕННОСТИ СУРИНАМСКОГО ОБЩЕСТВА

При рассмотрении суринамского общества XVIII в. следует обратить внимание на его несколько особенностей. Во-первых, со времен Д. Стедмана принято считать голландцев основателями самой суровой системы рабовладения в Новом Свете (Johnston, 1910) (Tannenbaum, 1947). Ч.Р. Боксер полагает, что «бесчеловечность и жестокость достигли своих пределов в Суринаме» (Boxer, 1963, p. 241). В то же время практически все авторы опираются в своих выводах на те факты, которые показывает Д. Стедман, в ряде случаев игнорируя собственные аргументы.

Так, Г. Джонстон пишет, что «в голландской Гвиане в течение XVIII века, как и в Южной Каролине, Джорджии и Теннесси в XIX веке, рабы в своем отчаянии часто совершали самоубийства, чтобы избежать нестерпимых пыток» (Johnston, 1910, p. 120). Джонстон сравнивает положение в Суринаме и южных американских штатах в разных столетиях: при этом забывая, что если в Суринаме в XIX в. отношение к рабам стало значительно мягче, то в южных штатах США, согласно его мнению, ситуация даже ухудшилась. Это не мешает ему называть именно голландский Суринам страной наиболее варварского отношения к рабам. Напротив, выходец из Барбадоса Ч. Лесли пишет о Ямайке как месте самого жестокого обращения с рабами (Leslie, 1740).

Таким образом, вряд ли можно говорить о принципиально худшем или лучшем положении невольников, но в то же время следует

учитывать такие показатели, как место труда рабов, характер сегрегации и т.д.

Важным фактором является большая по сравнению с Иberoамерикой сегрегация голландского Суринама. Этим можно объяснить и более суровое отношение к невольникам, практиковавшееся на плантациях страны. В рабской среде, например, запрещались разговоры на голландском. Путешественник, посетивший Суринам в 1693 г., отмечал: «Основали эту колонию англичане, и на английском в основном все еще говорят рабы» (Alphen, 1962, p. 307).

В конечном итоге сложился суринамский язык креолов (негро-инглиш, или сранан-тонго), 77 % словоформ которого и сегодня созданы на базе английского языка (Berg, 2013). При этом в конце концов негро-инглиш стал использоваться не только для общения с невольниками, он все активнее проникал в повседневную жизнь белых поселенцев. Давид Насси приводил примеры того, как жены плантаторов, привыкшие к общению на негро-инглиш со служанками, терялись и смущались при разговорах в светских компаниях (Nassy, 1974).

В отличие от Иberoамерики, в Суринаме рабов не христианизировали («небеса не созданы для всех черных, те, кто верен дьяволу, должны работать на плантациях» (Voorhoeve & Lichtveld, 1980, p. 46)). Когда в 1785 г. власти разрешили проведение католических служб, одним из важнейших условий стало повторение этого запрета (Abbenhuis, 1954, p. 120).

Добиваться послушания плантаторы долгое время стремились путем низведения невольников до уровня контролируемого страхом наказания животного. Важным признанием данной порочной практики является высказанное в 1827 г. мнение генерального комиссара Й. ван ден Боша о необходимости «религиозного воспитания» в рабской среде (Stiprian, 1993, p. 130).

В. Букхудт, живший в Суринаме в 1840-х гг., приводит следующий пример отношения владельцев к невольникам: «Иногда раба по какой-то причине привлекал к ответственности его хозяин, и он начал свои извинения с обычных слов: “Я так думал”, получая в ответ: “Негр не может думать!”» (Boekhoudt, 1874, p. 105]. Эти «разговоры» были характерными для XIX в., века просвещенного и цивилизованного, в течение которого рабство было запрещено во всех европейских колониях: тем более суровым в этой связи видится предшествующее столетие. Запрет на ношение обуви, шляп, золотых украшений, несмотря на отдельные послабления, существовал вплоть до отмены рабства. Эти ограничения вытекали из самого понимания раба не как человека, а как движимого имущества: исходя из понимания «вещи не

могут владеть другими вещами», они в принципе не могли владеть собственностью (Boekhoudt, 1874).

До 1784 г. сексуальные контакты между белыми и неграми были запрещены, однако в условиях серьезных гендерных диспропорций данные связи имели место, что привело к последующим послаблениям. Тем не менее, такого массового слоя мулатов, как в соседней Бразилии, в Суринаме не сложилось: А. Стиприан на основе изучения 20 плантаций начала XIX в. приходит к выводу, что не более 3 % рабов были записаны как мулаты (Stiprian, 1993).

В-третьих, в отличие от испанцев и португальцев, запрещавших прибытие в Новый Свет иудеев и марранов, голландцы одобряли и даже предоставляли определенные привилегии еврейской общине. Уже экспедиция Уиллоуби столкнулась с первыми еврейскими поселенцами, чьи исключительные права были подтверждены и после перехода колонии к Соединенным провинциям. Перечисляя дарованные евреям возможности, Д.Г. Стедман писал, что не слышал ни о чем подобном ни в одной другой части света.

Огромное значение еврейской общины для Суринама наглядно показывают цифры: к 1730 г. евреи были владельцами трети сахарных и кофейных плантаций страны (Israel, 2001). Посетивший Суринам в 1805 г. немецкий естествоиспытатель А. фон Сак писал: «В этой колонии евреев упрекают в жестоком обращении с рабами, а негры боятся больше всего, как если бы их в наказание за плохую работу не продали еврею» [Sak, 1821, s. 82]. А. Сак мог повторять антисемитские стереотипные высказывания (тем более что в условиях начавшегося в 1770-е гг. экономического кризиса в Суринаме подобные настроения только усиливались), в то же время его мнение основывалось, помимо прочего, на собственных впечатлениях.

Исследовательница из Университета Торонто Н. Земон Девис полагает, что в Суринаме «некоторые еврейские владельцы, повторяя “египтяне плохо обращались с нами, они заставляли нас страдать”, возможно, решили не поступать так же с рабами на своих землях» (Davis, 2016). Мы думаем, что истина, как всегда, находится посередине, а жестокость рабовладельцев в Суринаме скорее определяется общими сложившимися условиями колониального хозяйствования, нежели определенной национальной принадлежностью. Так, не меньшей суровостью отличались шотландские рабовладельцы: многие из них после эмансипации 1838 г. в Британской империи были активными противниками аболиционизма в голландских владениях (Alston, 2018).

В целом Суринам, равно как другие голландские владения в Гвиане (Бербис, Демерара, Эссекибо), отличался смешением различных народов, среди которых встречались немцы, шведы, швейцарцы и др. Это было типично и для голландских поселений в Южной Африке.

В-четвертых, в голландском Суринаме (впрочем, как и во всех других голландских колониях в Южной Америке) не было создано специализированных рабских правовых кодексов, как в испанских, португальских и французских колониях. В течение XVII–XVIII вв. законодательство в Суринаме было основано на *Constitutio Criminalis Carolina* 1532 г. с некоторыми добавлениями колониальных властей. По этим законам раб являлся собственностью господина. Хозяин имел право наказывать невольника за различные проступки, но ему не разрешалось убить его. Владелец был обязан обеспечить раба едой, одеждой и жилищем. Как отмечают исследователи, надзор за соблюдением некоторых имевшихся прав рабов (например, штраф за убийство, предельное количество ударов кнутом и т.д.) фактически не осуществлялся.

Более того, в 1762 г. плантаторы решительно выступили против применения в отношении к ним более серьезных наказаний: «Хотя ни один владелец не должен присваивать власть над жизнью и смертью над своими рабами, тем не менее, крайне важно, чтобы рабы продолжали верить, что их хозяева обладают этой силой. Нам не удержать их под контролем, если они узнают, что их хозяева могут получить телесное наказание или быть казнены за смерть раба в результате чрезмерных наказаний» (Lier, 1949).

Говоря о суринамском населении XVIII в., следует прежде всего указать на глубокий антагонизм между белым и черным населением. В общественном восприятии чернокожие по умолчанию воспринимались в качестве рабов. Немногочисленные свободные африканцы и их потомки упоминаются в различных исторических документах через выражения «*freynegers*» или «*vrijnegers*» («свободные негры»), а также «*vrij gemaakte neger*» («освобожденный негр») и «*vrij geboren neger*» («свободнорожденный негр»). Последние два выражения характеризовали, как правило, процессы манумиссии, то есть акт освобождения невольников своим владельцем. Примечательно, что на протяжении длительного времени миссионеры моравских братьев использовали слово «*freyneger*» исключительно по отношению к маронам (Phaf-Rheinberger, 2008, p. 77). Что касается колониальных чиновников, то они предпочитали именовать маронов «*wegloopers*» («беглецы») или «*boschnegers*» («кустарники-негры»). После подписания мирных договоров между «Обществом Суринама» и несколькими группами маро-

нов членов этих групп стали называть «*bevredigde boschnegers*» («умиротворенные буш-негры») или «*vrije boschneger*» («свободный буш-негр») (Berg, 2013, p. 740). В дальнейшем родившиеся в колонии рабы получили наименование креолов, термин, который редко использовался и для обозначения местного белого населения¹.

Для демографической панорамы современного Суринама характерно выделение так называемых *bevolkingsgroepen* (популяционных групп), далеко не всегда совпадающих с этнорасовыми группами. Так, африканское происхождение имели и креолы, и мароны, но под последними понимаются потоки бежавших с плантаций рабов, сохранивших африканскую культуру и до недавнего времени слабо подверженные ассимиляции. Ввозимые в результате трансатлантической работорговли в Суринам негры относились к различным этническим и языковым группам западного побережья Африки.

Подробный анализ географического происхождения суринамских рабов на основе архивных источников представлен в работе голландского историка Я.М. Постма (Postma, 1990). В соответствии с приводимыми им данными выделяется три следующих периода:

1) 1650–1720 гг.: в это время можно отметить два крупнейших района происхождения суринамских рабов, 50 % из них были ввезены из района с говорящим названием Невольничий берег (совр. Того, Бенин), 40 % из области Лоанго (совр. Республика Конго и Демократическая республика Конго). Слово «*лоанго*» стало нарицательным и прочно вошло в суринамскую среду в первой половине XVIII в.: под таким названием, в частности, фигурируют несколько маронских поселений (Berg, 2013, p. 741). Что касается Невольничьего берега, то в массовом количестве оттуда привозились «*нопо*», или «*напа*», под которыми понимались современные *эве*. Судебные архивы того времени содержат имена людей, в состав которых входит слово «*напа*»: Папа Квасси, Бэтти Папа и др.

2) 1720–1740 гг.: подавляющее большинство рабов в этот период было доставлено из Золотого берега (Гана). Здесь наиболее часто в источниках встречается наименование «*короманти*», или «*коромантин*». Именно так назывался построенный англичанами в 1638–1645 гг. на Золотом берегу форт (сегодня он относится к Центральному региону Ганы), которой в 1665 г. после захвата М. де Рюйтером перешел к голландцам под названием форт Амстердам.

3) 1740–1815 гг.: наветренное побережье (область, простирающаяся от Сьерра-Леоне до Кот-д'Ивуара).

¹ Сегодня под креолами в Суринаме понимаются исключительно потомки африканцев.

Я.Я. Харцинк дает описание различных ввозимых в Суринам африканцев, приводя не только их наименование, но и оценивая их пользу и значение для плантаторов (Hartsinck, 1770, p. 918–922). Не все приводимые им наименования африканских народов удалось идентифицировать современным исследователям. Так, одни из них относят «або» к территории современного Камеруна, другие связывают происхождение данного термина с Абомеей, столицей королевства Дагомея. Под «ардрой» и «фидой» подразумеваются лица, поставляемые из форпостов Ардра и Вида Голландской Вест-Индской компании в Западной Африке, «фон» относится к народу, населявшему Дагомею, и т.д.

Представляет интерес данная Я.Я. Харцинком характеристика отдельных групп африканцев, исходя из критериев трудолюбия и выносливости. Про *малле* он пишет, что это «сильный народ, который в состоянии выполнять достаточно охотно самую тяжелую работу». Относительно *фида*, полагает, что они склонны к воровству, хотя во всех других случаях «активны и послушны своим хозяевам» [39, blz. 919–920]. Легко иметь дело и с *папой*. *Короманти*, напротив, несмотря на огромную физическую силу, отличаются вспыльчивостью и склонностью к мести. Худшими по характеру и отношению Я.Я. Харцинк считал *лоанго*. Примечательно, что схожими характеристиками наделяет «папу», *короманти* и др. автор одной из первых работ о ямайских марунах Б. Эдвардс [69, p. 70–92].

Переходя к непосредственному рассмотрению положения рабов, укажем на их различные классификации: юридически они разделялись на домашних и плантационных. Домашние рабы чаще всего были личной собственностью свободного человека, иногда даже независимо от его цвета кожи (к моменту отмены рабства 1863 г., по данным Э. Несло, в Парамарибо 3 % небелых имели одного или нескольких частных рабов (Neslo, 2015, p. 194), но могли быть и собственностью фирмы. Большинство из них являлись личными слугами или ремесленниками.

Другую категорию составляли рабы, принадлежавшие плантации. Хотя положение домашних рабов, как правило, было легче плантационных (особенно занятых на считавшихся самыми тяжелыми сахарных плантациях), принадлежавшие плантациям рабы обладали определенной правовой защитой: для перемещения рабов с одной плантации на другую, например, требовалось разрешение, как властей, так и самого раба (Hoogbergen, 1985, p. 47).

Еще одним вариантом классификации суринамских рабов было деление на основе занятости и местоположения (см. таблицу 2).

Город	Плантация
Домашние рабы Ремесленники	Домашние рабы Ремесленники
Полевые рабы (живут в городе, но сдаются в аренду на плантации)	Полевые рабы

Таблица 2. Классификация рабов (Lier, 1949)

В течение первой половины XVIII в. суринамские плантации стали огромными предприятиями, поставлявшими в Европу сахар, кофе, какао, хлопок. Полевые рабы жили в крайне суровых условиях.

Сестра Хартман, представлявшая миссию моравских братьев, оставила такой отзыв о плантации Берг-ен-Даль: «Как будто я прибыла в Содом. Все, что вы слышите здесь, это обиды, ругательства и хвастовство. Люди стоят на самом низком уровне цивилизации, ходят обнаженными, пока не станут взрослыми <...> они едят нечистых животных: крыс и обезьян и все остальное, что находят <...>. По правде говоря, в их домах обитают змеи и крысы. Если вы пробыли здесь недолго, вы ничего не сможете узнать. Вы должны жить среди них. И вы должны быть осторожны, потому что эти семьи держатся друг за друга, как словно корни... Если вы вступите в драку с одним из них, они будут все против вас» (Post, 2017, p. 21).

Белое население на плантациях было немногочисленным. Во второй половине XVIII в. вообще наблюдается отток владельцев плантаций в Нидерланды: в 1786 г. собственные владельцы проживали не более чем на 90 плантаций из 500 насчитывавшихся (Lier, 1949).

Непосредственное управление плантациями осуществлялось директором, администратором и белыми надзирателями. Администратор занимался всеми финансовыми вопросами и большую часть времени находился в Парамарибо. Хотя отношения между директорами и администраторами могли иногда доходить до конфликта, в общем-то, директор находился на положении принца в своем собственном княжестве (Stiprian, 1993).

Рабам предоставлялась определенная свобода передвижений: «На каждой плантации были участки земли, которые не использовались для выращивания рыночных культур; на этих маленьких площадях рабы разбивали свои огороды. Некоторые из этих участков находились в джунглях за пределами плантаций. Рабы охотились в этих джунглях, они ловили рыбу в болотах. У рабов также были небольшие

каное, в которых они гуляли по ручьям и болотам. Их белые хозяева никогда не ходили в этих путешествиях, так что рабы знали гораздо больше, чем их хозяева, об окружающей местности. Рабам, как правило, было несложно ускользнуть от плантации незамеченным» (Linden, 2015).

Если раб был до предела измотан своим положением, у него оставалось два выбора: бежать в джунгли, где он в большинстве случаев мог неплохо ориентироваться, и присоединиться к маронам либо отправиться в Парамарибо с жалобой на своего владельца. Подавляющее большинство рабов выбирали первый путь, не надеясь на справедливость властей. Однако имеются данные и о тех рабах, которые рискнули обратиться к судебным органам в Парамарибо.

Известно, что в течение 1732 г. не менее 15 рабов пожаловались на плохое обращение со стороны своего хозяина. Он пренебрегал своими рабами и давал им слишком мало еды, на его плантации рабов пороли без видимых причин, а некоторых даже забивали до смерти.

Как отмечает М. де Бир, отношение колониальных властей к таким жалобам было противоречивым. С одной стороны, они поддерживали практику нормального обращения с рабами, чтобы предотвратить возможное недовольство среди невольников, с другой – полагали, что наказание плантатора могло создать прецедент и уменьшить «послушность» рабов. Тем не менее, в ходе начатого расследования рабов допросили (несмотря на то, что их показания против белых были недействительными), а плантатор получил приказ нанять подходящего директора для своей плантации. Только после выполнения данного требования рабов возвратили своему владельцу. Какие-либо меры к осуждению ответственных работников плантации так и не были приняты (Beer, 2010).

Затрудненность подобных процедур и возвращение к прежнему владельцу вряд ли могли способствовать распространению подобных случаев. В то же время в течение XVIII в. ежегодно с суринамских плантаций убегало в общей сложности до 300 рабов, из которых $\frac{2}{3}$ через некоторое время по собственной инициативе возвращались к своим хозяевам, не выдержав, в первую очередь, сложных условий жизни в джунглях (Hoogbergen, 1985). Стабильно растущее число маронов приводило к регулярно увеличивавшимся наградам за поиски беглых рабов и их возвращение (Wolbers, 1970).

Разумеется, существовали и другие способы мести рабов своим хозяевам. В 1690 г. отмечен первый факт убийства невольниками владельца плантации у реки Коммевейне (Davis, 2016), нередкими были

умышленные поджоги – не только усадеб, но и городской застройки в Парамарибо (Teenstra, 1842).

Огромное численное превосходство рабов порождало чувство неуверенности и беспокойства у белого населения. С. Де Гроот пишет, что, «несмотря на свою идеологию и вынужденное чувство превосходства, рабовладелец жил в постоянном страхе перед восстаниями рабов, который ни в коем случае не был беспочвенным» (Groot, 1963, p. 6).

МАРОНСКИЕ СООБЩЕСТВА

Распространение термина марон¹ по Западному полушарию отражало степень его присутствия в колониальных владениях европейских держав.

Сразу после начала работорговли в Новом Свете появились и первые беглецы с плантаций. Уже в 1503 г. губернатор Эспаньолы Н. де Овандо просил не присылать больше негров, потому что они «бежали и присоединились к индейцам, научили их вредным привычкам и их невозможно поймать» (Herrera, 1726). Как справедливо отмечает французский исследователь, «это было начало маронажа» (Scelle, 1906).

К середине XVI в. слово «*симаррон*», под которым понимались беглые рабы, постепенно входит в язык испанской колониальной администрации. Мароны нанесли заметный урон Испанской империи в Панаме, особенно между 1540 и 1570 гг., когда поддерживали связи с британскими и, возможно, французскими корсарами. Одним из крупнейших маронских сообществ стала республика Палмарес в Бразилии, которая в конце XVII в. насчитывала до 20 тыс. жителей, а ямайские мароны явились первыми, с кем европейцы оказались вынуждены вступить в равноправные отношения². Как пишет М. Кэмпбелл, «маронские общества были основаны на африканских социально-политических и военных традициях, приспособленных к условиям Нового Света» (Campbell, 1992).

Однако различные территориально-географические условия и отношения колониальных властей обусловили, наряду со сходными, отличительные черты суринамского маронства. Первые беглые рабы в Суринаме появились еще в период британского владычества; в ходе

¹ Исп. *симаррон*, от *cima* – «верхушка, вершина горы». Французский исследователь Л. Пейтро полагал, что симарронами называлось племя в Панаме, которое после восстания было обращено испанцами в рабство (Peutraud, 1897). Подробный анализ этимологии проведен Ж.-П. Тартье (Tardieu, 2006).

² Подробнее см.: (Хазанов, 1958).

столкновение голландцев и англичан в 1666–1667 гг. число их увеличилось. Известна информация о существовании деревни маронов, относящаяся к 1680 г. (Davis, 2016).

Знаковым стало нападение французского корсара Ж. Кассара в 1712 г.: плантаторы, спасая невольников, спрятали их в лес, откуда не менее 700 решили позднее не возвращаться, сформировав в дальнейшем племя сарамакканцы. После целого ряда нападений маронов на плантации в 1730 г. было совершено несколько ответных рейдов, в результате которых обнаружили и уничтожили два маронских поселения на реке Сарамакка (Almanak voor Suriname, 1925). 26 негров погибли в ходе столкновений, а 11 были казнены с особой жестокостью. Некоторых из них привязали к шесту и сожгли заживо, отрубленные после пыток головы других водружали на кол и т.д. [39, blz. 765]. Подобное варварство, помимо психопатологий самих плантаторов, было обусловлено еще и стремлением устрашить невольников. Как пишет Я.Я. Хартсинк, с «ними обошлись слишком строго, в надежде, что такой пример испугает их сподвижников и уменьшит склонность рабов к побегам» (Hartsinck, 1770).

Однако попытки запугать маронов не увенчались успехом: в 1749 г. власти заключили первое соглашение с ними, одним из пунктов которого была выдача новых беглецов (Surinaamsche Almanak, 1821) (этот пункт стал неотъемлемой частью всех последующих соглашений с маронами). К середине XVIII в. наблюдается консолидация маронов вокруг нескольких общин: несомненно, что самыми влиятельными в этот период являлись *ндюка*.

В ряде случаев мароны, происходившие с разных плантаций, негативно относились друг к другу, дело доходило даже до прямых вооруженных столкновений. В результате маронские сообщества формировались на основе региональной идентичности, вплоть до настоящего времени они представляют собой шесть племен (или групп): *ндюка*, сарамакканцы, бони, матуари, коффимакка, парамакканцы. Каждое племя, возглавляемое *гранманом*, делилось на отдельные кланы (*ло*), руководимые вождем, или капитаном (Stiprian, 2016). Не менее важную роль играли жрецы: это были «философы», носители знаний, защитники, специалисты по народной медицине (Velthuisen, 2017).

Со временем стало считаться, что все члены *ло* происходят от изначального отряда беглецов и (или) от изначальной прародительницы, что подразумевало родственную связь внутри клана (Bilby, 1996). Известно, что у рабов помимо родственных связей важную роль играли также формировавшиеся социальные связи между прибывавшими

на одном корабле, а затем работавшими на одной плантации («братство по кораблю», «братство по плантации») (Дридзо, 1993). Схожие связи сохранялись некоторое время у маронов. Власть лидеров не была беспредельной: ежедневно в деревне все взрослые мужчины собирались для обсуждения спорных вопросов. Нередко споры длились по нескольку часов, а иногда за консультациями приходилось обращаться и к пожилым женщинам.

Каждый клан селился в собственной деревне, состоящей от нескольких десятков до нескольких сотен жилищ. Нередко деревни обносились частоколами с примыкавшими к ним сторожевыми башнями. Жилища маронов были простыми хижинами, покрытыми пальмовыми листьями или соломой, как правило, разделенные на спальное место и место приема пищи. Наиболее важными источниками пищи маронов выступали охота и рыболовство. Мароны использовали как опыт индейцев, так и африканские традиции. Добыча не всегда употреблялась в пищу: хвосты некоторых обезьян использовались в качестве веников, перья определенной несъедобной птицы для очистки ушных раковин и т.д. (Price, 1991).

Из земледельческих культур чаще всего выращивались рис, маниок, бананы, кукуруза, ямс. Обработка земли осуществлялась по заимствованному у индейцев подсечно-огневому способу. Расчистка участка осуществлялась следующим образом: в конце засушливого сезона, как правило, в ноябре, деревья поджигали, прогорев, ствол падал на землю. Когда огонь угасал, женщины сразу приступали к посеву урожая. Удобренная золой земля несколько лет давала хорошие урожаи, после чего ее на время забрасывали. Практика возделывания культур не всегда сохранялась. В частности, сегодня мароны только собирают дикий рис для того, чтобы во время празднеств умиловить духов предков.

Исследователи зафиксировали любопытный факт: замаскированные в лесной чаще огороды располагались в отдалении от деревень, нередко в нескольких часах ходьбы. Как пишут М. и С. Херсковиц, «практика изоляции места снабжения была наследием тех дней, когда предки спасались от рабства, потому что тогда белые воевали с ними, и деревни часто должны были быть покинутыми. <...> В конце концов, люди не получали продовольствия из деревни. От земли зависела сама жизнь <...>. Когда деревня была разрушена врагом, буш-негры могли вернуться на свои поля и выращивать посеиы. Говорят, что по сей день¹ эта практика сохраняется, хотя военные действия закончи-

¹ 1930-е годы

лись более ста лет назад. Огороды очень редко располагаются рядом с деревней» (Herskovits & Herskovits, 1934, p. 93).

Земля, по всей вероятности, находилась в общинной собственности. Сложно сказать, как регулировался размер участков поселенцев. Проникавшие в конце XVIII в. в маронскую среду миссионеры оставили интересные наблюдения о процедуре приема пищи: «Негры сели на очень низкие стулья, чтобы есть пищу, которая стояла в калембаках на земле, и мой негр¹ принес мне табуретку из нашего каноэ, чтобы я мог сидеть и есть. После того как женщины и дети вышли из мужской хижины, мы могли отведать нашу еду. Она состояла из бананового пудинга, который скорее похож на картофельное пюре, и арахисового бульона (согласно старому обычаю, привезенному неграми со своей родины, Гвинеи, мужчины и женщины питаются отдельно, так что муж никогда не принимает пищу в присутствии жены). Негры едят руками, берут кусочки, опускают их в бульон, а затем кладут в рот. Это не выглядит аппетитно, но я должен признаться, что перед едой негры тщательно моют руки. Зачастую они повторяют это каждый раз, когда подают новое блюдо. Я спросил, почему их женщины не едят с ними, мы, европейцы, считаем, что приятнее принимать пищу вместе. Они были удивлены вопросу, и один из них довольно вяло ответил: “Они тоже предпочитают есть отдельно”» (Riemer, 1801, s. 205–207). Данная традиция отдельного приема пищи сохраняется у маронов и сегодня (мы имеем в виду только тех из них, кто продолжает жить в джунглях).

Представляют интерес имена, которые давались в негритянской среде. В неволе зачастую выбор имени делал хозяин; отмечаются Вергилий, Цезарь, Цицерон и др. варианты, свидетельствующие об обращении к античной истории. В то же время, согласно западноафриканским традициям, рабы (особенно мароны) называли своих детей в честь того дня недели, на который приходилось их рождение. Считалось, что самым лучшим днем была пятница (см. таблицу 3).

¹ Раб.

День рождения	Мальчики	Девочки	Перевод
понедельник	Коджо	Абжуба	Старательный / Старательная
вторник	Квамида	Абемида	Вороватый / Вороватая
среда	Кваке	Акоеба	Любопытный / Любопытная
четверг	Жау	Жаба	Лживый / Лживая
пятница	Коффи	Афиба	Счастливый / Счастливая
суббота	Квами	Амимба	Несчастный / Несчастливая
воскресенье	Квасси	Квассиба	Тщеславный / Тщеславная

Таблица 3. Имена суринамских чернокожих (Keijser, 1985)

Немаловажной составляющей повседневной жизни маронов являлась система наказаний за проступки и преступления. Н. Земан Дэвис справедливо указывает на то, что понятия преступности действий мароны должны были принести из Африки (Davis, 2011). Убийство, отравление, колдовство, нанесение серьезных физических увечий подлежали безусловному наказанию. Обвиненный в преступлении чаще всего должен был пройти обряд испытаний: так, в районе Конго он выпивал заговоренный жрецом напиток из коры ядовитого дерева (Bosman, 1907). Считалось, что невиновного не коснется гнев богов, они сохранят ему жизнь. Подобные испытания накладывались и на подозреваемых в преступлениях маронов. Достоверно известно, что в 1778 г. сарамакканцы применяли пытки, чтобы добиться признания от обвиненных в колдовстве или отравлении (Davis, 2011).

Пожалуй, самой загадочной была духовная жизнь рабов. Выше мы отмечаем существование у маронов жречества и, соответственно, присутствие лиц, отвечавших за взаимоотношения со сверхъестественными силами. Я.Я. Хартсинк скупко говорит об идолопоклонстве креолов, о характерных клятвах и заклинаниях (Hartsinck, 1770).

По всей видимости, с течением времени у маронов африканские культы смешивались с отдельными верованиями индейцев. Мы можем предположить, что среди прибывших из Африки рабов было не-

которое число мусульман¹ (так, мусульманином был и один из маронских вождей Араби), но никакой значимой роли ислам в маронской среде не играл.

Все попытки уничтожить или запугать маронов не увенчались успехом. Под влиянием ямайского опыта договоренностей с марунами, а также соглашения от 1749 г.², «Общество Суринама» было вынуждено прийти к подобным мерам взаимодействия с беглыми рабами.

Показательным в этом смысле стало восстание рабов на Темпатикрике в 1757 г. Непосредственным поводом к восстанию оказался планируемый перевод рабов с лесоразработок на сахарную плантацию. Выше мы указывали, что работа под палящим солнцем в условиях постоянного наблюдения на сахарных плантациях была намного сложнее, чем на лесных разработках. Кроме того, рабы были приписаны к конкретной плантации, их перевод считался незаконным. Неудивительно, что невольники взбунтовались, объединили усилия с маронами. После прихода отряда солдат из Парамарибо восставшие отступили в лес, но нападения на плантации продолжались. Известно, что лидер повстанцев по имени Баситон (или Бостон) умел читать и писать; в 1759 г. власти через двух верных рабов направили ему письмо с предложением переговоров. Баситон не отрицал возможности соглашения, сославшись на опыт договоренностей на Ямайке между англичанами и марунами. Это стало началом длительных переговоров между Бастионом и представителем властей Абекромби, которые успешно завершились 13 октября. Через год (10 октября 1760 г.) мирное соглашение было закреплено кровной клятвой, сопровождавшейся следующей формулой: «Если я не сдержу свое обещание, пусть боги покарают меня». Примечательно, что сами мароны знали о ямайских соглашениях, вероятно, услышав информацию либо из бесед своих хозяев, либо от прибывавших вест-индских негров (как правило, они считались более послушными и выносливыми, поэтому имели особую ценность в глазах владельцев).

Согласно договору, правительство обеспечило маронов регулярными поставками продуктов и товаров в обмен на прекращение набегов на плантации. Важными явились следующие условия: мароны должны были прекратить принимать в свои ряды новичков, выдать беглых рабов плантаторам. Понятно, что этот пункт стал наиболее спорным; играла свою роль социальная солидарность: и те, и другие

¹ Д. Уоррен говорит об обрезании у некоторых рабов (Warren, 1667).

² Истоки данных соглашений усматриваются в договоре испанцев с маронами Гаспара Янга в Мексике 1608 г.

раньше работали вместе на плантациях, подвергаясь наказанию и насилию, более того, нередко, как это было во время волнений на Темпати-крик, невольники и мароны сражались плечом к плечу против отрядов плантаторов. Соглашение должно было обезопасить обе стороны (мароны легализовали сам факт своего существования, плантаторы стремились избежать новых нападений и побегов), но привело к разладу в среде африканцев: теперь среди них выделялись свободные и рабы. Братские чувства не могли одновременно исчезнуть. В 1761 г. мароны заявили, что будут выдавать только тех невольников, которые совершили преступления: рабы, которые бежали в джунгли из-за жестокости владельцев, выдаче не подлежали (Velzen & Hoogbergen, 2011). После казни в Парамарибо четверых сданных властям беглых рабов *ндюка* потребовали отменить смертную казнь возвращаемым неграм.

Заключение подобных соглашений не могло не вызвать раскол среди маронов. Так, заключившие договора с белыми *ндюка*, *сарамаканцы* и *матуари* получили наименование «умиротворенных лесных негров», другие группы маронов назывались «неумиротворенными». Неудивительно, что нападения на плантации продолжались: начиная с 1765 г. зафиксированы новые грабежи и даже атаки на военные посты (Surinaamsche Staatkundige Almanach, 1796). Как пишет Ж. Вольберс, в конце 1760–1770-е гг. «террор и ужас охватили колонию <...>. Многие плантаторы, боясь резни, оставили свои владения и бежали в Парамарибо» (Wolbers, 1970, p. 326).

Колонизаторам удалось разобщить маронов, посеять между ними недоверие и вражду. Особенно показателен в этой связи конфликт между *ндюка* и *бони*. Начиная с 1770-х гг. между ними наблюдались военные столкновения, а в феврале 1793 г. вождь *бони* был убит *ндюка* во сне, а остатки его племени скрылись во Французской Гвиане¹. Фактически племя *бони* было образовано путем постепенной консолидации 3 групп: собственно, группа Асикана Сильвестра, присоединившаяся к ним группа *тасисе-ненге* и группа *короманти*, влившаяся в их ряды уже в 1770 г. В 1765 г. вождь племени Асикан Сильвестр передал власть Бони и его родственнику Алуку. При нападении *ндюка* 1793 г. были убиты практически все *бони*. Сами бони полагают, что только Алуку и сыну Бони, Агосу, удалось сбежать с некоторыми выжившими и присоединиться к индейцам *вайяна*. Индейцы, в свою

¹ Примечательно, как современные *бони*, или *алука*, мифологизируют свой род: легендарный Бони (примерная дата рождения 1730 г.), имя которого перешло на общину, вел свои происхождение от голландского плантатора и его рабыни, бежавшей в лес к маронам, которыми руководил вождь Асикана Сильвестр.

очередь, рассказывают, что были уничтожены все Бони, кроме беременной женщины, спасенной от *ндюка вайяны* (Fleury, 2018).

История *бони* тех лет представлена только устной традицией, лишь немного мы знаем от воевавшего с ними Д. Стедмана. Нельзя даже определенно утверждать, был ли убитый в 1793 г. Бони тем, кому в 1765 г. передал власть Асикана Сильвестр (ему должно было быть больше 60 лет) или под Бони понимается его сын. Бесспорным фактом является то, что мароны сражались друг с другом почти до полного уничтожения. Сегодня их лидеры осознают ошибочность подобных конфликтов. С. де Гроот приводит следующее мнение капитана одного из маронских кланов: «все лесные негры братья, они выходцы из Африки» (Groot, 1980, p. 11).

За три десятилетия после заключения соглашений с властями мароны растеряли былое чувство солидарности, а их верхушка в лице вождей фактически выполняла волю колониальной администрации. Более того, по косвенным фразам в договорах между маронами и властями мы можем сделать вывод, что мароны (в частности, *ндюка*) владели рабами, покупая их через посредничество голландцев (Hoogbergen, 1985). Последнее обстоятельство неудивительно. Социальное расслоение в среде «умиротворенных» маронов под влиянием контактов с европейцами (да и поддерживаемое ими, видевшими в вождях свою главную опору) не могло не привести к формированию в каждом племени группы влиятельных лиц, получавших большую долю добычи и наиболее красивых женщин.

Немаловажным является и то, что голландцы, согласно договорам, регулярно выплачивали «умиротворенным» маронам дань. Так, в результате заключения в 1762 г. мира с сарамакканцами им было передано 3 750 топоров, мачете и ножей, 78 ружей, 15 бочек пороха, соль и др. (Stipriaan, 2011, p. 28). По новому договору 1809 г. сарамакканцам передавалось 52 винтовки, 549 мотыг, 277 разделочных ножей, 306 ножей с желтыми ручками, 122 бритвы, 111 столовых ножей, 115 ножниц, 2 коробочки со свечами, 65 фунтов белой и черной швейной нитки и т.д. (Sack, 1821, s. 117–118). Помимо этого мароны имели доходы от продажи древесины, а также за поимку беглых рабов.

В то же время даже в XIX в. и позднее они крайне неохотно соглашались работать на плантациях по найму: эти места ассоциировались у них с рабством. Аналогично и после эмансипации 1863 г. креолы переселились с плантаций в города, вынудив искать себе замену в лице приглашенных контрактных рабочих из Индии и Явы. В.Р. ван Хоевелл гневно опровергал обвинения в лени отказывавшимся работать на плантациях маронам со стороны властей: «Разве не естествен-

но, что они избегают всего, что, по их мнению, приблизит к рабству?» (Hoëvell, 1855, p. 44).

Выплата «дани» со стороны властей имела еще одну весомую цель. Нападения маронов на плантации являлись важнейшим источником их выживания: так они могли получить необходимые вещи и захватить женщин. Поставка товаров могла уменьшить поводы для набегов. Но относительно женщин ситуация осложнялась, а ведь от них зависело продолжение рода, то есть само существование племени. Далеко не всегда захваченные маронами на плантациях женщины добровольно соглашались остаться с ними. Помимо тягот самой жизни в джунглях, они зачастую были вынуждены расстаться со своими мужьями, детьми, другими родственниками. Случалось так, что женщины вместе с детьми со временем возвращались на свои родные плантации.

В силу гендерных диспропорций многоженство у маронов было редким явлением, однако вожди и другие представители элиты являлись исключением: у Бони, например, было восемь жен (Hoogbergen, 1992, p. 79). Рядовые члены племени могли сталкиваться в своей среде с нехваткой женщин. Мы можем только догадываться о возможных контактах между маронами и рабынями, которым не могли помешать значительные расстояния между поселениями маронов и плантациями. То, что такие связи были возможными, не подлежит сомнению.

О том, насколько важными для невольников являлись брачные связи, говорит следующий факт. Рабы, работая по 12 часов в поле, по окончании трудового дня, не взирая на запреты, могли пройти несколько часов до другой плантации, нередко передвигаясь по реке по колено в воде, ради встречи со своими девушками. Они шли на это даже под угрозой наказания (впрочем, зачастую на такие прегрешения смотрели сквозь пальцы), осознавая необходимость возвратиться рано утром обратно на плантацию (Stiprian, 1993).

Рассмотрим еще один важный пример, который наглядно демонстрирует как реалии политики размежевания африканских групп, которой придерживались голландцы, так и сохранявшиеся подспудно братские чувства внутри них. В 1772 г. в Суринаме был основан корпус «черных рейнджеров», состоявший из выкупленных властями 300 рабов. Члены корпуса имели полувоенный статус: им платили только в случае дежурства, а вне службы они сами обеспечивали свое содержание, для чего им был выделен участок земли недалеко от Парамарибо. У них сохранялось право навещать своих оставшихся на плантациях женщин и детей (Wolbers, 1970). Корпус имел отличную репутацию и регулярно использовался против маронов. Несомненным его

преимуществом было хорошее – по сравнению с европейцами – знание джунглей. Кроме того, члены корпуса прекрасно осознавали, что им нельзя ждать пощады от противника: как писали очевидцы, «мароны жестоко обращаются со сражающимися против них неграмирабами» (Surinaamsche Almanak, 1894, p. 51). Это обстоятельство добавляло воинственности корпусу, Стедман пишет, что один его солдат был равен шести белым.

В условиях хаоса рубежа XVIII–XIX вв., когда Суринам несколько раз переходил от голландцев к англичанам, бойцы корпуса стали вести себя вызывающе, в связи с чем губернатор Ю.Ф. де Фредеричи выступил с резким ограничением их прав. Последующие события показали, что свободолюбивый дух негров не выветрился за время службы в рейнджерах. Наладив контакты с маронами, осенью 1805 г. они подняли мятеж, нападая на плантации и убивая белых поселенцев (Groot, 1970, p. 297). Рассматривая причины мятежа, казалось бы, верных рейнджеров, мы можем выдвинуть следующую гипотезу, опирающуюся на специфику психологического восприятия членов корпуса. Как представляется, до известной степени вольное положение черных рейнджеров привело их к восприятию себя как независимых, как маронов, но только по другую сторону. Резкое уменьшение самостоятельности вызвало недовольство рейнджеров, оценивших это как возвращение во времена рабства, и спровоцировало открытый мятеж, в ходе которого они присоединились к маронам.

Выше мы указывали, что не все племена маронов одобрили соглашения с белыми. Были недовольные и на противоположной стороне. В частности, написанное в середине 1770-х гг. эссе плантатора Александра Салонтея повествует о том, как владелец плантации Мангейм и совладелец двух кофейных плантаций на Коттике, со временем переехавший в Нидерланды, стал горячим противником каких-либо соглашений с маронами: по его мнению, «это приводит к волнениям и чувству ревности среди рабов плантаций, которые, таким образом, побуждаются к побегам» (Stipriaan, 1995, p. 184).

Однако сами соглашения с маронами оказались, в целом, оправданными для плантаторов: им удалось не только уменьшить возможность набегов, но и снизить вероятность новых побегов. Ведь теперь каждый такой раб мог опасаться выдачи властям, а то и убийства. В то же время колониальная администрация стремилась не допустить какого-либо сближения между племенами маронов. Например, к 1835 г. относится официальное указание «использовать все средства для

укрепления различий между ними¹, не давая понять, что правительство заинтересовано в этом» (Linden, 2015, p. 490).

Не менее важным для голландцев было недопущение тесных контактов между маронами и индейцами. Разумеется, обе стороны заимствовали друг у друга некоторые культурные и хозяйственные привычки. Однако еще с конца XVII в. голландцы стремились наладить дружеские отношения с индейцами, запретив обращать их в рабство и стремясь использовать в поисках беглых рабов. Неудивительно, что мароны периодически нападали на индейцев: например, в январе 1761 г. в Сарамакке была сожжена деревня индейцев, двое убито, несколько взято в плен (Kesler, 1940, p. 270).

Заключение соглашений с маронами не отменяло необходимость защиты плантаций от «неумиротворенной» их части. Поскольку боеспособность колониальных войск оставляла желать лучшего (неслучайно Стедман называет местные отряды сборищем авантюристов со всего света, неслучайно и создание корпуса черных рейнджеров), «Общество Суринама» пригласило бригаду полковника Л. Фуржо², а также начало строительство защитной линии сооружений, получившей название Кордон (Wolbers, 1970). Данная линия обороны протяженностью 94 км состояла из 34 военных постов, на которых было задействовано свыше 1 тыс. солдат (Hoogbergen, 1985, p. 28–32).

В XIX в. введенный Великобританией запрет на трансатлантическую работорговлю коренным образом отразился и на суринамском обществе. Рабы постепенно превратились из привезенных помнящих о своем свободном прошлом африканцев в суринамцев со своими новыми устоями и традициями. В этой связи примечательна позиция Е. Дженовезе, согласно которому восстания XVIII в. имели своей целью восстановление африканского образа жизни (Genovese, 1981, p. 98–99).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вследствие значительной сегрегации невольники в голландском Суринаме в гораздо большей степени сохраняли африканские корни (языки, верования), и, вместе с тем, черты свободолюбия. На протяжении XVIII в. беглые рабы сумели консолидироваться в стабильные сообщества, вначале объединенные политической волей, а в дальнейшем и социокультурным компонентом. Обширность территории Суринама, не ограниченного островными рамками в отличие от вестиндских архипелагов, препятствовала уничтожению маронских групп

¹ Маронами.

² В ее составе в Суринам и прибыл Стедман.

на раннем этапе, а в дальнейшем способствовала формированию их идентичности. Вплоть до отмены рабства голландцы стремились максимально изолировать маронов, чтобы ослабить их влияние на рабов. Напротив, после 1863 г. колониальные власти предпринимали различные неудачные попытки интегрировать потомков беглых невольников в суринамское общество. А. ван Стиприан справедливо пишет, что «любой, кто войдет в деревню сегодня, окажется скорее в традиционной африканской общине, нежели в Южной Америке» (Stiprian, 2016, p. 6).

На смену старым проблемам пришли новые¹, однако мароны больше не являются гражданами второго сорта. С 1991 г. их политические интересы стремится представить Партия всеобщего освобождения и развития (Algemene Bevrijdings-en Ontwikkelingspartij, АВОР), созданная многолетним оппонентом политического долгожителя и действующего президента Суринама Д. Боутерсе Р. Брансвейком. В результате Внутренней войны второй половины 1980-х гг. произошло усиление миграции маронов в города, в первую очередь, в Парамарибо.

Сегодня многие маронские деревни населены престарелыми мужчинами и женщинами, что угрожает сохранению традиционной культуры, а в перспективе может привести к креолизации. Будущее маронов связано с Суринамом, а это значит, что благополучное развитие страны определит и успешную интеграцию потомков беглых рабов в суринамское общество.

Список литературы

- Abbenhuis, M. F. (1954). De Katholieke Kerk in Suriname [The Catholic Church in Suriname]. *Vox Guyanae*, 2 (3), 117–144. (In Dutch)
- Alphen, van G. (1962). Suriname in een onbekend journal van 1693 [Suriname in an unknown journal from 1693]. *New West Indian Guide*, 42 (1), 303–313. (In Dutch)
- Alston, D. (2018). Scottish Slave-owners in Suriname: 1651–1863. *Northern Scotland*, 9(1), 17–43.
- Beer, de M. (2010). De wrede surinaamse planter in de achttiende eeuw. Feit of fictie? [The cruel Surinamese planter in the eighteenth century. Fact or fiction?]. *Master thesis*. Utrecht University. (In Dutch)
- Behn, A. (1967). *Oroonoko. Shorter Novels: Seventeenth Century*. London: Dent.

¹ В настоящее время одной из самых злободневных проблем является принадлежность лесных угодий, населенных маронами.

- Berg, van den M. (2013). Ningretongo and Bakratongo: Race/ethnicity and language variation in 18th century Suriname. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 91 (3), 735–761.
- Bilby, K. (1996). *Ethnogenesis in the Guianas and Jamaica: Two Maroon Cases. History, Power, and Identity. Ethnogenesis in the Americas, 1492–1992*. Iowa City: University of Iowa Press.
- Boekhoudt, W. (1874). *Uit mijn verleden.' Bijdrage tot de kennis van Suriname* [From my past. Contribution to the knowledge of Suriname]. Winschoten: J.D. van der Veen. (In Dutch)
- Bosman, W. (1907). *A new and accurate description of the coast of Guinea, divided into the Gold, the Slave, and the Ivory coasts*. London: Ballantyne.
- Boxer, C. R. (1965). *The Dutch Seaborne Empire. 1600–1800*. London: Hutchinson.
- Broere, K. (2018). Bij de Marrons in Suriname zijn de gevolgen van slavernij nog volop voelbaar [The consequences of slavery can still be felt by the Maroons in Suriname]. *De Volksrant*. 1 juli. (In Dutch)
- Brouwn, C. (1796). *Historie der oorlogen met de Marrons of Surinaamsche boschnegers. Surinaamsche Staatkundige Almanach voor den Jaare 1796* [History of the wars with the Maroons or Surinamese Bush Negroes. Surinamese Political Almanach for the Year 1796]. Paramaribo: W.P. Wilkens. (In Dutch)
- Campbell, M. (1992). Maroons of the Caribbean. *Report on the Americas*, 25 (4), 34–37.
- Conflito no Suriname levou a pelo menos 7 mortes, diz missionário* [Conflict in Suriname led to at least 7 deaths, says missionary] (2009) Retrieved from: <http://g1.globo.com/Noticias/Mundo/0,,MUL1427214-5602,00-CONFLITO+NO+SURINAME+LEVOU+A+PELO+MENOS+MORTES+DIZ+MISSIONARIO.html> (In Portuguese)
- Davis, N. Z. (2011). Judges, Masters, Diviners: Slaves' Experience of Criminal Justice in Colonial Suriname. *Law and History Review*, 29 (4), 925–984.
- Davis, N. Z. (2016). Regaining Jerusalem: Eschatology and Slavery in Jewish Colonization in Seventeenth-Century Suriname. *The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry*, 1, 11–38.
- Dentz, F. O. (1919). Stukken over de verovering van Suriname. *Bijdragen en Mededeelingen van het Historisch Genootschap*, 40, 1–9.
- Dusseldopr, van D. B. W. M. (1963). Het central plan voor Suriname. Some asperctes of town and country planning in a devepeloping country. *Meded. Landbouwhogeschool, Wageningen*, 9, 1–95.
- Edwards, B. (1801). *The history, civil and commercial, of the British colonies in the West Indies*. V. 2. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly.
- Eenige bekende data in de Surinaamsche Geschiedenis [Some known dates in Surinamese History] (1925). *De Vraagbaak. Almanak voor Suriname* [The FAQ. Almanac for Suriname], 108–116. (In Dutch)

- Fermin, F. (1770). *Nieuwe algemeene beschryving van de colonie van Suriname. Description générale, historique, géographique et physique de Surinam* [New general description of the colony of Suriname. Description générale, historique, géographique et physique de Surinam]. Harlingen: V. van der Plaats junior. (In Dutch)
- Fleury, M. (2018). Gaan Mawina, le Marouini (haut Maroni) au cœur de l'histoire des Noirs marrons Boni/Aluku et des Amérindiens Wayana [Gaan Mawina, the Marouini (high Maroni) at the heart of the history of the Boni / Aluku black maroons and the Wayana Indians]. *Revue d'ethnoécologie*, 13, 1–30. (In Dutch)
- Foek, H. J. S. (2004). Art making, aesthetic considerations and the formation of social and cultural homogeneity with the changing Bush Negro society of Suriname. *Journal of Intercultural Studies*, 25. (1), 7–20.
- Genovese, E. D. (1981). *From Rebellion to Revolution: Afro-American Slave Revolts in the Making of the Modern World*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Geschiedkundige Aanteekeningen [Historical Notes] (1894). *Surinaamsche Almanak voor het Jaar 1895* [Surinamese Almanac for the Year 1895]. Paramaribo: Erve J. Morpurgo. (In Dutch)
- Geschiedkundige beschrijving der kolonie Suriname [Geschiedkundige beschrijving der kolonie Suriname] (1821). *Surinaamsche Almanak voor het Jaar 1821* [Surinamese Almanac for the Year 1821]. Paramaribo – Amsterdam: E. Beijer en C.G. Sulpke. (In Dutch)
- Groot, W. de S. (1969). *Djuka Society and Social Change. History of an attempt to develop a Bush Negro community in Surinam 1917–1926*. Assen Van Gorcum & Comp.
- Groot, W. de S. (1970). Rebelle der Zwarte Jagers [Black Hunter Rebellion]. *De Gids*, 133, 291–303. (In Dutch)
- Groot, W. de S. (1980). Boni's dood en Boni's hoofd. Een proeve van orale geschiedenis [Boni's death and Boni's head. A Taste of Oral History]. *De Gids*, 143, 3–15. (In Dutch)
- Hartsinck, J. J. (1770). *Beschryving van Guiana, of de wilde kust in Zuid-America* [Description of Guiana, or the wild coast of South America]. Amsterdam: Gerrit Tielenburg. (In Dutch)
- Herlein, J. D. (1718). *Beschryvinge van de volk-plantinge Zuriname* [Description of the folk-planting Zuriname]. Leuwarden: Meindert Injema. (In Dutch)
- Herrera, de A. (1726). *Historia general de los hechos de los castellanos en las islas i tierra firme del mar oceano* [General history of the events of the Castilians on the islands and the mainland of the ocean sea]. Madrid: En la imprenta real de Nicolas Rodiquez Franco. (In Spanish)
- Herskovits, M. J. & Herskovits, F. S. (1934). *Rebel Destiny. Among the bush Negroes of Dutch Guiana*. New York - London: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, Inc.

- Herskovits, M. J. & Herskovits, F. S. (1936). *Suriname Folk-Lore*. New York: Columbia University Press.
- Historie der oorlogen met de Marrons of Surinaamsche boschnegers [History of the wars with the Maroons or Surinamese Bush Negroes] (1796). *Surinaamsche Staatkundige Almanach voor den Jaare 1796* [Surinamese Political Almanach for the Year 1796]. Paramaribo: W.P. Wilkens, 87–130. (In Dutch)
- Hoëvell, van W.R. (1855). *Slavenen vrijen onder de Nederlandsche wet* [Slaves make love under Dutch law]. Zaltbommel: Joh. Nomanen Zoon. (In Dutch)
- Hoogbergen, W.S.M. (1985). *De Boni-oorlogen 1757-1860. Marronage en guerilla in Oost-Suriname* [Bronnen voor de Studie van Afro-amerikaanse Samenlevingen in de Guyana's, dl. 11] [The Boni Wars 1757-1860. Marronage and Guerilla in Eastern Suriname [Sources for the Study of African American Societies in the Guyanas, vol. 11]]. Den Haag: Centrum voor Caraïbische Studies Rijksuniversiteit. (In Dutch)
- Israel, J. I. (2001). *The Jews of Dutch America. The Jews and the expansion of Europe to the west, 1400–1800*. New York: Berghahn Books.
- Johnston, H. (1910). *The Negro in the New world*. London: Methuen & co., Ltd.
- Jouve, A. (2011). *Guyane: l'histoire des Boni, de l'esclavage au marronnage* [Guyana: the history of the Boni, from slavery to marronage]. Retrieved from: <http://www.rfi.fr/hebdo/20180427-histoire-boni-esclavage-marron-guyane-suriname-cimarron-noir-bushinengue> (In French)
- Kahn, M. (1931). *Djuka: The Bush Negroes of Dutch Guiana*. New York: Viking Press.
- Kappler, A. (1881). *Holländisch Guiana: Erlebnisse und Erfahrungen während eines 43 jährigen Aufenthalts in der Kolonie Surinam* [Dutch Guiana: Experiences and experiences during a 43 year stay in the colony of Surinam]. Stuttgart: Kohlhammer. (In German)
- Keijser, P. (1985). *Suikerriet, suikerverdriet. Slavernij in enkele 18e-eeuwse teksten* [Sugar cane, sugar cane. Slavery in some 18th century texts]. Culemborg: Educaboek. Retrieved from: https://www.dbnl.org/tekst/keij003suik01_01/index.php (In Dutch)
- Kesler, C. K. (1940). Slavenopstanden in de west [Slave revolts in the west]. *West-Indische Gids*, 22 (1), 257–270. (In Dutch)
- Kom, de A. (1934). *Wij slaven van Suriname* [We slaves of Suriname]. Amsterdam: Contact. (In Dutch)
- Lasserre, G. (1966). Des populations tribales guyanaises: Noirs Boni et Indiens Wayana, d'après Jean Hurault [note critique] [Des populations tribales guyanaises: Noirs Boni et Indiens Wayana, d'après Jean Hurault [note critique]]. *Les Cahiers d'Outre-Mer*, 74, 187–192. (In French)
- Leslie, C. (1740). *A new history of Jamaica: from the earliest accounts, to the taking of Porto Bello by Vice-Admiral Vernon. In thirteen letters from a gentleman to his friend*. London: Hodges.

- Lier, van R. A. J. (1949). *Samenleving in een grensgebied. Een sociaal-historische studie van Suriname* [Society in a border area. A socio-historical study of Suriname]. s'Gravenhage: Martinus Nijhoff. (In Dutch)
- Linden, van der M. (2015). The Okanisi: A Surinamese Maroon Community. *International Review of Social History*, 60, 463–490.
- Meiden, G. (1987). *Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651–1753* [Disputed Government: A Century of Struggle for Power in Suriname, 1651–1753]. Amsterdam: Bataafsche leeuw. (In Dutch)
- Nassy, D. (1974). *Geschiedenis der kolonie van Suriname. D. 2* [History of the colony of Suriname. V. 2]. Amsterdam: S. Emmering [facsimile uitgave 1791]. (In Dutch)
- Neslo, E. (2015). The Formation of a Free Non-White elite in Paramaribo, 1800-1863. *Caribbean Studies*, 43 (2), 177–210.
- Neumann, P. (1967). *Wirtschaft und materielle Kultur der Buschneger Surinames* [Economy and material culture of the Suriname Bush Negroes]. Berlin: Akademie-Verlag. (Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Bd. 26). (In German)
- Nystrom, W. (1942). *Surinam, geographic study*. New York: The Netherlands information bureau.
- Oostindie, G. (1988). De onvoltooide dekolonisatie en de Geschiedschrijving van Suriname. *Leidschrift*, 6(2), 5–26.
- Oostindie, G. (1993). Voltaire, Stedman and suriname slavery. *Slavery and Abolition*, 14(2), 1–34.
- Patterson, O. (1967). *The Sociology of Slavery. An analysis of the origins, development and structure of Negro Slave Society in Jamaica*. London: McGibbon and Kee.
- Patterson, O. (1970). Slavery and Slave Revolts. A Socio-Historical Analysis of the First Maroon War Jamaica, 1655–1740. *Social and Economic Studies*, 19(3), 289–325.
- Peytraud, L. (1897). *L'esclavage aux Antilles Françaises avant 1789*. Paris, Hachette.
- Phaf-Rheinberger, I. (2008). *The “Air of Liberty” Narratives of the South Atlantic Past*. Amsterdam-New York: Rodopi.
- Pistorius, T. (1763). *Korte en zakelijke beschrijvinge van de Colonie van Zuriname* [Short and business description of the Colony of Suriname]. Amsterdam: Theodorus Craijenschot. (In Dutch)
- Post, N. (2017). The free non-white ladies of Suriname: Moving up from slavery, 1770–1863. *MA Thesis*. Utrecht University.
- Postma, J. M. (1990). *The Dutch in the Atlantic slave trade 1600–1815*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Price, R. (1991). Subsistence on the plantation periphery: Crops, cooking, and labour among eighteenth century. Suriname Maroons. *Slavery and Abolition*, 12 (1), 107–127.

- Riemer, J. A. (1801). *Missions-Reise nach Suriname und Barbice zu einer am Surinamfluss im dritten Grade der Linie wohnenden Freineger-Nation* [Mission trip to Suriname and Barbice to a Freineger nation living on the Surinam River in the third degree of the line]. Zittau and Leipzig. (In German)
- Rodway, J. (1896). *The West Indies and the Spanish Main*. London: T. Fisher Unwin.
- Sack, von A. (1821). *Reise nach Surinam und des Aufenthaltes daselbst in den Jahren 1805, 1806, 1807, so wie von des Verfassers Ruckkehr nach europa uber Nord-Amerika* [Travel to Suriname and stay there in 1805, 1806, 1807, as well as the author's return to Europe via North America]. Berlin: in der Haude und Spenserschen Buchhandlung. (In German)
- Scelle, J. (1906). *La traite négrière aux Indes de Castille, contrats et traités d'assiento* [The slave trade in the Indies of Castile, contracts and treaties of assiento]. Paris, L. Larose & L. Tenin. (In French)
- Schrijvers, die over de Kolonie Suriname geschreven hebben [Writers who have written about the Colony of Suriname] (1821). *Surinaamsche Almanak voor het Jaar 1821* [Surinamese Almanac for the Year 1821]. Paramaribo / Amsterdam: E. Beijer en C.G. Sulpke, 43–60. (In Dutch)
- Stedman, J. G. (1796). *Narrative of a five years' expedition, against the revolted negroes of Surinam, in Guiana, on the wild coast of South America; from the year 1772, to 1777*. V. 2. London J. Johnson.
- Stedman, J. G. (1962). *The journal of John Gabriel Stedman, 1744–1797, soldier and author: including an authentic account of his expedition to Surinam, in 1772*. London: Mitre Press.
- Stipriaan, van A. (1995). Verdeelde eenheid, verenigde verdeeldheid. De strijd van Surinaamse slaven in de 18^e en 19^e eeuw [Divided unity, united division. The struggle of Surinamese slaves in the 18th and 19th centuries]. *Kruispunt*, 36, 180–212. (In Dutch)
- Stipriaan, van A. (2011). Contact! Marrons en de transport-en communicatie-revolutie in het Surinaamse binnenland [Contact! Maroons and the transport and communication revolution in the Surinamese interior]. *OSO. Tijdschrift voor Surinamistiek en het Caraïbisch gebied*, 1, 28–46. (In Dutch)
- Stiprian, van A. (1993). *Surinaams contrast. Roofbouw en overleven in een Caraïbische plantagekolonie, 1750–1863* [Surinamese contrast. Robbing and Surviving in a Caribbean Plantation Colony, 1750–1863]. Leiden – Boston Brill. (In Dutch)
- Stiprian, van A. (2016). Vitaliteit. De levenskunst van de Marrons in Suriname [Vitality. The art of living of the Maroons in Suriname]. *Kunst en Wetenschap*, 25(1), 5–6. (In Dutch)
- Scholtens, B. (1994). *Bosnegers en overheid in Suriname: de ontwikkeling van de politieke verhouding 1651–1992* [Forest negroes and government in Suriname: the development of the political relationship 1651–1992]. Paramaribo: Afdeling Cultuurstudies / Minov. (In Dutch)
- Tannenbaum, F. (1947). *Slave and Citizen. The Negro in the Americas*. New York: Alfred A. Knopf.

- Tardieu, J.-P. (2006). Cimarrôn-Maroon-Marron, note épistémologique [Cimarrôn-Maroon-Marron, epistemological note]. *Outre-mers*, 93 (350–351), 237–247. Retrieved from: https://www.persee.fr/doc/outre_1631-0438_2006_num_93_350_4201 (In French)
- Teenstra, M. D. (1842). *De neger-slaven in de kolonie Suriname* [The black slaves in the colony of Suriname]. Dordrecht: H. Lagerweij. (In Dutch)
- Thompson, A. O. (2006). Symbolic legacies of slavery in Guyana. *New West Indian Guide. Nieuwe West-Indische Gids*, 80(3–4), 91–220.
- Velthuisen, A. (2017). Surviving the past, coping with the present, hoping for a future of justice: the dispute resolution practices of the Marrons of Suriname. *African Identities*, 15(2), 159–170.
- Velzen, van H. U. E. & Hoogbergen, W. (2011). *Een zwarte vrijstaat in Suriname. De Okaanse samenleving in de achttiende eeuw* (Koninklijk Instituut voor Taal-, Land-en Volkenkunde. Caribbean Series 29) [A black free state in Suriname. Okan society in the eighteenth century (Royal Institute of Language, Land and Ethnology. Caribbean Series 29)]. Leiden: KITLV Uitgeverij. (In Dutch)
- Voorhoeve J. & Lichtveld, U. (1980). *Suriname: Spiegel der vaderlandse kooplieden* [Suriname: Mirror of Dutch Merchants]. Den Haag: Martinus Nijhoff. (In Dutch)
- Warren, G. (1667). *An impartial description of Surinam upon the continent of Guiana in America*. London: William Godbid.
- Wolbers, J. (1853). *De slavernij in Suriname, Of Dezelfde gruwelen der slavernij, die in de “Negerhut” geschetst zijn, bestaan ook in onze West-Indische koloniën!* [Slavery in Suriname, Or The same horrors of slavery, which are sketched in the “Negerhut”, also exist in our West Indian colonies!]. Amsterdam: H. de Hooghde Hoogh. Retrieved from: <http://www.gutenberg.org/files/31060/31060-h/31060-h.htm> (In Dutch)
- Wolbers, J. (1970). *Geschiedenis van Suriname (facsimile van de eerste uitgave, Amsterdam 1861)* [History of Suriname (facsimile of the first edition, Amsterdam 1861)]. Amsterdam: S. Emmerling. Retrieved from: http://www.dbnl.org/tekst/wolb002gesc01_01/colofon.htm (In Dutch)
- Бен, А. (1796). *Полохождение Оронока князя африканского*. СПб: тип. Академии Наук.
- Государственный архив Российской Федерации*. (n.d.). Ф. 7928. Оп. 3. Д. 6779. Л. 13.
- Дридзо, А. Д. (1971). *Ямайские маруны. Историко-этнографический очерк*. М.: Наука.
- Дридзо, А. Д. (1993). «Братство по кораблю» (новые материалы). *Этнографическое обозрение*, (5), 70–72.
- Палоттели, Д. (1975). На берегах реки прошлого. *Вокруг света*, (2,) 8–13.
- Созина, С. А. (1969). *Суринам. Гвиана. Гайана. Французская Гвиана. Суринам [Сборник статей]*. М.: Наука.

Созина, С. А. (1981). *Суринам. Из этнической истории. Этнические процессы в странах Южной Америки*. М.: АН СССР.

Хазанов, А. М. (1958). К вопросу о негритянском государстве Палмарес в Бразилии. *Новая и новейшая история*, (2), 13–31.

Шегрен, Б. (1967). *Острова среди ветров*. М.: Мысль.

References

Abbenhuis, M. F. (1954). De Katholieke Kerk in Suriname [The Catholic Church in Suriname]. *Vox Guyanae*, 2 (3), 117–144. (In Dutch)

Alphen, van G. (1962). Suriname in een onbekend journal van 1693 [Suriname in an unknown journal from 1693]. *New West Indian Guide*, 42 (1), 303–313. (In Dutch)

Alston, D. (2018). Scottish Slave-owners in Suriname: 1651–1863. *Northern Scotland*, 9(1), 17–43.

Balotelli, D. (1975). On the banks of the river of the past. *Around the world*, (2,) 8–13. (In Russian)

Beer, de M. (2010). De wrede surinaamse planter in de achttiende eeuw. Feit of fictie? [The cruel Surinamese planter in the eighteenth century. Fact or fiction?]. *Master thesis*. Utrecht University. (In Dutch)

Behn, A. (1967). *Oroonoko. Shorter Novels: Seventeenth Century*. London: Dent.

Ben, A. (1796). *The Adventure of the Oronok Prince of Africa*. St. Petersburg: type. Academy of Sciences. (In Russian)

Berg, van den M. (2013). Ningretongo and Bakratongo: Race/ethnicity and language variation in 18th century Suriname. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*, 91 (3), 735–761.

Bilby, K. (1996). *Ethnogenesis in the Guianas and Jamaica: Two Maroon Cases. History, Power, and Identity. Ethnogenesis in the Americas, 1492–1992*. Iowa City: University of Iowa Press.

Boekhoudt, W. (1874). *Uit mijn verleden.' Bijdrage tot de kennis van Suriname* [From my past. Contribution to the knowledge of Suriname]. Winschoten: J.D. van der Veen. (In Dutch)

Bosman, W. (1907). *A new and accurate description of the coast of Guinea, divided into the Gold, the Slave, and the Ivory coasts*. London: Ballantyne.

Boxer, C. R. (1965). *The Dutch Seaborne Empire. 1600–1800*. London: Hutchinson.

Broere, K. (2018). Bij de Marrons in Suriname zijn de gevolgen van slavernij nog volop voelbaar [The consequences of slavery can still be felt by the Maroons in Suriname]. *De Volksrant*. 1 juli. (In Dutch)

Brouwn, C. (1796). *Historie der oorlogen met de Marrons of Surinaamsche boschnegers. Surinaamsche Staatkundige Almanach voor den Jaare 1796* [History of the

- wars with the Maroons or Surinamese Bush Negroes. Surinamese Political Almanach for the Year 1796]. Paramaribo: W.P. Wilkens. (In Dutch)
- Campbell, M. (1992). Maroons of the Caribbean. *Report on the Americas*, 25 (4), 34–37.
- Conflito no Suriname levou a pelo menos 7 mortes, diz missionário* [Conflict in Suriname led to at least 7 deaths, says missionary] (2009) Retrieved from: <http://g1.globo.com/Noticias/Mundo/0,,MUL1427214-5602,00-CONFLITO+NO+SURINAME+LEVOU+A+PELO+MENOS+MORTES+DIZ+MISSIONARIO.html> (In Portuguese)
- Davis, N. Z. (2011). Judges, Masters, Diviners: Slaves' Experience of Criminal Justice in Colonial Suriname. *Law and History Review*, 29 (4), 925–984.
- Davis, N. Z. (2016). Regaining Jerusalem: Eschatology and Slavery in Jewish Colonization in Seventeenth-Century Suriname. *The Cambridge Journal of Postcolonial Literary Inquiry*, 1, 11–38.
- Dentz, F. O. (1919). Stukken over de verovering van Suriname. *Bijdragen en Mededeelingen van het Historisch Genootschap*, 40, 1–9.
- Dridzo, A. D. (1971). *Jamaican Maroons. Historical and ethnographic essay*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Dridzo, A. D. (1993). “Brotherhood on the Ship” (new materials). *Ethnographic Review*, (5), 70–72. (In Russian)
- Dusseldopr, van D. B. W. M. (1963). Het central plan voor Suriname. Some asperctes of town and country planning in a devepeloping country. *Meded. Landbouwhogeschool, Wageningen*, 9, 1–95.
- Edwards, B. (1801). *The history, civil and commercial, of the British colonies in the West Indies*. V. 2. London: Printed for John Stockdale, Piccadilly.
- Eenige bekende data in de Surinaamsche Geschiedenis [Some known dates in Surinamese History] (1925). *De Vraagbaak. Almanak voor Suriname* [The FAQ. Almanac for Suriname], 108–116. (In Dutch)
- Fermin, F. (1770). *Nieuwe algemeene beschryving van de colonie van Suriname. Description générale, historique, géographique et physique de Surinam* [New general description of the colony of Suriname. Description générale, historique, géographique et physique de Surinam]. Harlingen: V. van der Plaats junior. (In Dutch)
- Fleury, M. (2018). Gaan Mawina, le Marouini (haut Maroni) au cœur de l’histoire des Noirs marrons Boni/Aluku et des Amérindiens Wayana [Gaan Mawina, the Marouini (high Maroni) at the heart of the history of the Boni / Aluku black maroons and the Wayana Indians]. *Revue d’ethnoécologie*, 13, 1–30. (In Dutch)
- Foek, H. J. S. (2004). Art making, aesthetic considerations and the formation of social and cultural homogeneity with the changing Bush Negro society of Suriname. *Journal of Intercultural Studies*, 25. (1), 7–20.

- Genovese, E. D. (1981). *From Rebellion to Revolution: Afro-American Slave Revolts in the Making of the Modern World*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
- Geschiedkundige Aanteekeningen [Historical Notes] (1894). *Surinaamsche Almanak voor het Jaar 1895* [Surinamese Almanac for the Year 1895]. Paramaribo: Erve J. Morpurgo. (In Dutch)
- Geschiedkundige beschrijving der kolonie Suriname [Geschiedkundige beschrijving der kolonie Suriname] (1821). *Surinaamsche Almanak voor het Jaar 1821* [Surinamese Almanac for the Year 1821]. Paramaribo – Amsterdam: E. Beijer en C.G. Sulpke. (In Dutch)
- Groot, W. de S. (1969). *Djuka Society and Social Change. History of an attempt to develop a Bush Negro community in Surinam 1917–1926*. Assen Van Gorcum & Comp.
- Groot, W. de S. (1970). Rebellie der Zwarte Jagers [Black Hunter Rebellion]. *De Gids*, 133, 291–303. (In Dutch)
- Groot, W. de S. (1980). Boni's dood en Boni's hoofd. Een proeve van orale geschiedenis [Boni's death and Boni's head. A Taste of Oral History]. *De Gids*, 143, 3–15. (In Dutch)
- Hartsinck, J. J. (1770). *Beschryving van Guiana, of de wilde kust in Zuid-America* [Description of Guiana, or the wild coast of South America]. Amsterdam: Gerrit Tielenburg. (In Dutch)
- Herlein, J. D. (1718). *Beschryvinge van de volk-plantinge Zuriname* [Description of the folk-planting Zuriname]. Leuwarden: Meindert Injema. (In Dutch)
- Herrera, de A. (1726). *Historia general de los hechos de los castellanos en las islas i tierra firme del mar oceano* [General history of the events of the Castilians on the islands and the mainland of the ocean sea]. Madrid: En la imprenta real de Nicolas Rodiquez Franco. (In Spanish)
- Herskovits, M. J. & Herskovits, F. S. (1934). *Rebel Destiny. Among the bush Negroes of Dutch Guiana*. New York - London: Whittlesey House, McGraw-Hill Book Company, Inc.
- Herskovits, M. J. & Herskovits, F. S. (1936). *Suriname Folk-Lore*. New York: Columbia University Press.
- Historie der oorlogen met de Marrons of Surinaamsche boschnegers [History of the wars with the Maroons or Surinamese Bush Negroes] (1796). *Surinaamsche Staatkundige Almanach voor den Jaare 1796* [Surinamese Political Almanach for the Year 1796]. Paramaribo: W.P. Wilkens, 87–130. (In Dutch)
- Hoëvell, van W.R. (1855). *Slavenen vrijen onder de Nederlandsche wet* [Slaves make love under Dutch law]. Zaltbommel: Joh. Nomanen Zoon. (In Dutch)
- Hoogbergen, W.S.M. (1985). *De Boni-oorlogen 1757-1860. Marronage en guerilla in Oost-Suriname* [Bronnen voor de Studie van Afro-amerikaanse Samenlevingen in de Guyana's, dl. 11] [The Boni Wars 1757-1860. Marronage and Guerilla in Eastern Suriname [Sources for the Study of African American Societies in the

- Guyanas, vol. 11]]. Den Haag: Centrum voor Caraibische Studies Rijksuni versiteit. (In Dutch)
- Israel, J. I. (2001). *The Jews of Dutch America. The Jews and the expansion of Europe to the west, 1400–1800*. New York: Berghahn Books.
- Johnston, H. (1910). *The Negro in the New world*. London: Methuen & co., ltd.
- Jouve, A. (2011). *Guyane: l'histoire des Boni, de l'esclavage au marronnage* [Guyana: the history of the Boni, from slavery to marronnage]. Retrieved from: <http://www.rfi.fr/hebdo/20180427-histoire-boni-esclavage-marron-guyane-suriname-cimarron-noir-bushinengue> (In French)
- Kahn, M. (1931). *Djuka: The Bush Negroes of Dutch Guiana*. New York: Viking Press.
- Kappler, A. (1881). *Holländisch Guiana: Erlebnisse und Erfahrungen während eines 43 jährigen Aufenthalts in der Kolonie Surinam* [Dutch Guiana: Experiences and experiences during a 43 year stay in the colony of Surinam]. Stuttgart: Kohlhammer. (In German)
- Keijser, P. (1985). *Suikerriet, suikerverdriet. Slavernij in enkele 18e-eeuwse teksten* [Sugar cane, sugar cane. Slavery in some 18th century texts]. Culemborg: Educaboek. Retrieved from: https://www.dbnl.org/tekst/keij003suik01_01/index.php (In Dutch)
- Kesler, C. K. (1940). Slavenopstanden in de west [Slave revolts in the west]. *West-Indische Gids*, 22 (1), 257–270. (In Dutch)
- Khazanov, A. M. (1958). On the question of the Negro state of Palmares in Brazil. *Modern and contemporary history*, (2), 13–31. (In Russian)
- Kom, de A. (1934). *Wij slaven van Suriname* [We slaves of Suriname]. Amsterdam: Contact. (In Dutch)
- Lasserre, G. (1966). Des populations tribales guyanaises: Noirs Boni et Indiens Wayana, d'après Jean Hurault [note critique] [Des populations tribales guyanaises: Noirs Boni et Indiens Wayana, d'après Jean Hurault [note critique]]. *Les Cahiers d'Outre-Mer*, 74, 187–192. (In French)
- Leslie, C. (1740). *A new history of Jamaica: from the earliest accounts, to the taking of Porto Bello by Vice-Admiral Vernon. In thirteen letters from a gentleman to his friend*. London: Hodges.
- Lier, van R. A. J. (1949). *Samenleving in een grensgebied. Een sociaal-historische studie van Suriname* [Society in a border area. A socio-historical study of Suriname]. s'Gravenhage: Martinus Nijhoff. (In Dutch)
- Linden, van der M. (2015). The Okanisi: A Surinamese Maroon Community. *International Review of Social History*, 60, 463–490.
- Meiden, G. (1987). *Betwist bestuur: Een eeuw strijd om de macht in Suriname, 1651–1753* [Disputed Government: A Century of Struggle for Power in Suriname, 1651–1753]. Amsterdam: Bataafsche leeuw. (In Dutch)
- Nassy, D. (1974). *Geschiedenis der kolonie van Suriname. D. 2* [History of the colony of Suriname. V. 2]. Amsterdam: S. Emmering [facsimile uitgave 1791]. (In Dutch)

- Neslo, E. (2015). The Formation of a Free Non-White elite in Paramaribo, 1800-1863. *Caribbean Studies*, 43 (2), 177–210.
- Neumann, P. (1967). *Wirtschaft und materielle Kultur der Busch neger Surinames* [Economy and material culture of the Suriname Bush Negroes]. Berlin: Akademie-Verlag. (Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museums für Volkerkunde Dresden. Bd. 26). (In German)
- Nystrom, W. (1942). *Surinam, geographic study*. New York: The Netherlands information bureau.
- Oostindie, G. (1988). De onvoltooide dekolonisatie en de Geschiedschrijving van Suriname. *Leidschrift*, 6(2), 5–26.
- Oostindie, G. (1993). Voltaire, Stedman and suriname slavery. *Slavery and Abolition*, 14(2), 1–34.
- Patterson, O. (1967). *The Sociology of Slavery. An analysis of the origins, development and structure of Negro Slave Society in Jamaica*. London: McGibbon and Kee.
- Patterson, O. (1970). Slavery and Slave Revolts. A Socio-Historical Analysis of the First Maroon War Jamaica, 1655–1740. *Social and Economic Studies*, 19(3), 289–325.
- Peytraud, L. (1897). *L'esclavage aux Antilles Françaises avant 1789*. Paris, Hachette.
- Phaf-Rheinberger, I. (2008). *The "Air of Liberty" Narratives of the South Atlantic Past*. Amsterdam-New York: Rodopi.
- Pistorius, T. (1763). *Korte en zakelijke beschrijvinge van de Colonie van Suriname* [Short and business description of the Colony of Suriname]. Amsterdam: Theodorus Craijenschot. (In Dutch)
- Post, N. (2017). The free non-white ladies of Suriname: Moving up from slavery, 1770–1863. *MA Thesis*. Utrecht University.
- Postma, J. M. (1990). *The Dutch in the Atlantic slave trade 1600–1815*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Price, R. (1991). Subsistence on the plantation periphery: Crops, cooking, and labour among eighteenth century. Suriname Maroons. *Slavery and Abolition*, 12 (1), 107–127.
- Riemer, J. A. (1801). *Missions-Reise nach Suriname und Barbice zu einer am Surinamfluss im dritten Grade der Linie wohnenden Freineger-Nation* [Mission trip to Suriname and Barbice to a Freineger nation living on the Surinam River in the third degree of the line]. Zittau and Leipzig. (In German)
- Rodway, J. (1896). *The West Indies and the Spanish Main*. London: T. Fisher Unwin.
- Sack, von A. (1821). *Reise nach Surinam und des Aufenthaltes daselbst in den Jahren 1805, 1806, 1807, so wie von des Verfassers Rückkehr nach Europa über Nord-Amerika* [Travel to Suriname and stay there in 1805, 1806, 1807, as well as the author's return to Europe via North America]. Berlin: in der Haude und Spenserschen Buchhandlung. (In German)

- Scelle, J. (1906). *La traite négrière aux Indes de Castille, contrats et traités d'assiento* [The slave trade in the Indies of Castile, contracts and treaties of assiento]. Paris, L. Larose & L. Tenin. (In French)
- Schrijvers, die over de Kolonie Suriname geschreven hebben [Writers who have written about the Colony of Suriname] (1821). *Surinaamsche Almanak voor het Jaar 1821* [Surinamese Almanac for the Year 1821]. Paramaribo / Amsterdam: E. Beijer en C.G. Sulpke, 43–60. (In Dutch)
- Sjogren, B. (1967). *Island of the winds*. Moscow: Thought. (In Russian)
- Sozina, S. A. (1981). *Suriname. From ethnic history. Ethnic processes in the countries of South America*. Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)
- Sozina, S. A. (1969). *Suriname. Guiana. Guyana. French Guiana. Suriname [Collection of articles]*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- State archive of the Russian Federation*. (n.d.). F. 7928. Op. 3. D. 6779. L. 13 (In Russian)
- Stedman, J. G. (1796). *Narrative of a five years' expedition, against the revolted negroes of Surinam, in Guiana, on the wild coast of South America; from the year 1772, to 1777*. V. 2. London J. Johnson.
- Stedman, J. G. (1962). *The journal of John Gabriel Stedman, 1744–1797, soldier and author: including an authentic account of his expedition to Surinam, in 1772*. London: Mitre Press.
- Stipriaan, van A. (1995). Verdeelde eenheid, verenigde verdeeldheid. De strijd van Surinaamse slaven in de 18^e en 19^e eeuw [Divided unity, united division. The struggle of Surinamese slaves in the 18th and 19th centuries]. *Kruispunt*, 36, 180–212. (In Dutch)
- Stipriaan, van A. (2011). Contact! Marrons en de transport-en communicatie-revolutie in het Surinaamse binnenland [Contact! Maroons and the transport and communication revolution in the Surinamese interior]. *OSO. Tijdschrift voor Surinamistiek en het Caraïbisch gebied*, 1, 28–46. (In Dutch)
- Stiprian, van A. (1993). *Surinaams contrast. Roofbouw en overleven in een Caraïbische plantagekolonie, 1750–1863* [Surinamese contrast. Robbing and Surviving in a Caribbean Plantation Colony, 1750–1863]. Leiden – Boston Brill. (In Dutch)
- Stiprian, van A. (2016). Vitaliteit. De levenskunst van de Marrons in Suriname [Vitality. The art of living of the Maroons in Suriname]. *Kunst en Wetenschap*, 25(1), 5–6. (In Dutch)
- Scholtens, B. (1994). *Bosnegers en overheid in Suriname: de ontwikkeling van de politieke verhouding 1651–1992* [Forest negroes and government in Suriname: the development of the political relationship 1651–1992]. Paramaribo: Afdeling Cultuurstudies / Minov. (In Dutch)
- Tannenbaum, F. (1947). *Slave and Citizen. The Negro in the Americas*. New York: Alfred A. Knopf.
- Tardieu, J.-P. (2006). Cimarrôn-Maroon-Marron, note épistémologique [Cimarrôn-Maroon-Marron, epistemological note]. *Outre-mers*, 93 (350–351), 237–247.

Retrieved from: https://www.persee.fr/doc/outre_1631-0438_2006_num_93_350_4201 (In French)

- Teenstra, M. D. (1842). *De neger-slaven in de kolonie Suriname* [The black slaves in the colony of Suriname]. Dordrecht: H. Lagerweij. (In Dutch)
- Thompson, A. O. (2006). Symbolic legacies of slavery in Guyana. *New West Indian Guide. Nieuwe West-Indische Gids*, 80(3–4), 91–220.
- Velthuizen, A. (2017). Surviving the past, coping with the present, hoping for a future of justice: the dispute resolution practices of the Marrons of Suriname. *African Identities*, 15(2), 159–170.
- Velzen, van H. U. E. & Hoogbergen, W. (2011). *Een zwarte vrijstaat in Suriname. De Okaanse samenleving in de achttiende eeuw* (Koninklijk Instituut voor Taal-, Land-en Volkenkunde. Caribbean Series 29) [A black free state in Suriname. Okan society in the eighteenth century (Royal Institute of Language, Land and Ethnology. Caribbean Series 29).]. Leiden: KITLV Uitgeverij. (In Dutch)
- Voorhoeve J. & Lichtveld, U. (1980). *Suriname: Spiegel der vaderlandse kooplieden* [Suriname: Mirror of Dutch Merchants]. Den Haag: Martinus Nijhoff. (In Dutch)
- Warren, G. (1667). *An impartial description of Surinam upon the continent of Guiana in America*. London: William Godbid.
- Wolbers, J. (1853). *De slavernij in Suriname, Of Dezelfde gruwelen der slavernij, die in de “Negerhut” geschetst zijn, bestaan ook in onze West-Indische koloniën!* [Slavery in Suriname, Or The same horrors of slavery, which are sketched in the “Negerhut”, also exist in our West Indian colonies!]. Amsterdam: H. de Hoogh-de Hoogh. Retrieved from: <http://www.gutenberg.org/files/31060/31060-h/31060-h.htm> (In Dutch)
- Wolbers, J. (1970). *Geschiedenis van Suriname (facsimile van de eerste uitgave, Amsterdam 1861)* [History of Suriname (facsimile of the first edition, Amsterdam 1861)]. Amsterdam: S. Emmerling. Retrieved from: http://www.dbnl.org/tekst/wolb002gesc01_01/colofon.htm (In Dutch)